

Советский народ, руководимый великой партией Ленина — Сталина, победоносно строит коммунистическое общество. Коммунизм — уже не отдаленная мечта человечества о светлом будущем! Зримые черты коммунизма рождаются на наших глазах в величественных стройках, в самоотверженном труде советских людей, в сознании народа, в растущем изображении материальных и духовных ценностей.

Видны сверкающие вершины коммунизма. Чтобы достигнуть их, надо твердо и неустанно идти вперед, закаляя волю в борьбе, преодолевая трудные походы, смело вскрывая и побеждая все то, что мешает нашему движению вперед. «Борьба между старым и новым, — учит товарищ Сталин, — между отмирающим и нарождающимся, — вот основа нашего развития. Не отменяя и не выводя открыто и честно, как это подобает большевикам, нечеткости и ошибок в нашей работе, мы закрываем себе дорогу вперед. Ну, а мы хотим двигаться вперед. И именно потому, что мы хотим двигаться вперед, мы должны поставить одной из своих важнейших задач честную и революционную самокритику. Без этого нет движения вперед. Без этого нет развития».

Критика и самокритика, эта особая закономерность и движущая сила развития советского общества, является могущим, постоянно действующим оружием большевизма. В любой области нашего социального труда мы можем достигнуть действительно крупных успехов и сделать еще и еще шаг к коммунизму лишь на основе смелой, революционной критики и самокритики. Только она способна уберечь советских людей от застоя, благодушия и самоуспокоенности, только она гарантирует неустанное движение вперед, постоянно поддерживает и раздувает пламя благородной, творческой тревоги нашего народа за дело коммунизма.

«Наша литература и искусство, — писал В. М. Молотов в день семидесятилетия товарища Сталина, — все больше становится знаменосцем нашей сталинской эпохи, во многом содействуя успехам советского народа, вдохновляя его в труде и в борьбе, распространяя советское влияние далеко за рубежами нашей Родины».

Признание нашей партией высокой миссии литературы и искусства рождает у советских писателей и художников чувство законной гордости. Но именно потому, что велика и благородна задача советской литературы в историческом преобразовании нашей страны и всего мира, именно потому, что партия и народ любят литературу и относятся к ней, как к своему кровному делу, — писатели и критики обязаны по-большевистски вести борьбу за неустанное повышение идейного уровня литературных произведений, совершенствование художественного мастерства. Добиться этого можно только при одном неприменимом условии: большевикистская критика и сама критика должны призывать всю литературную работу.

Восми своими успехами и достижениями наша литература обязана большевистской партии. Партия дала в руки советских литераторов могучее оружие большевизма — критику и самокритику; партийные постановления по вопросам идеологии являют собой великодушные образцы большевистской критики, не только вскрывающей недостатки в литературе и искусстве, но указывающей цели и конкретные пути художественного творчества.

Однако было бы неправильно утверждать, что советские литераторы в полной мере используют большевистское оружие критики и самокритики. Критика и самокритика еще не стали постоянно действующим методом работы писательских организаций и литературных журналов, методом воспитания литературных кадров.

Товарищ Сталин учит, что самокритика есть особый, большевистский метод воспитания кадров. «...В результате самокритики, — говорит товарищ Сталин, — наши хозяйственные кадры начинают подтягиваться, становятся более бдительными, начинают подходить более серьезно к вопросам руководства хозяйством, а наши партийные, советские, профсоюзные и всякие иные кадры становятся более чуткими, более отзывчивыми на запросы масс».

Надо ли доказывать, что критика и самокритика имеют особое значение в деле воспитания писательских кадров! Вель речь идет о формировании инженеров человеческих душ, о воспитании воспитателей советского народа в духе коммунистических идей. Между тем, творческие организации писателей и литературные журналы нередко забывают о необходимости внимательно работать с писательскими кадрами, строго относиться к новым художественным произведениям, подвергать партийной, принципиальной критике существенные недостатки в книгах, написанных как молодыми, так и опытными писателями. Только этим можно объяснить, например, появление в журнале «Знамя» явно недоработанной повести молодого уральского писателя В. Старикова «Звезда победы».

В предыдущем номере «Литературной газеты» было опубликовано письмо ленинградских студентов, правдиво критикующих роман В. Каверина «Открытая книга» за уход от действительности, от реальной советской жизни, за подмену советских людей героями не нашего времени. Точно так же только отсутствием принципиального критического подхода к литературному произведению можно объяснить и печатание на страницах журнала «Октябрь» романа А. Коптяевой «Иван Иванович», опоялающего большую жизненно важную тему семьи и любви. Во всех фактах такой неважкательности сказывается подмена принципиальности приятельскими отношениями. Руководство Союза писателей должно усилить борьбу за внедрение критики и самокритики, за высокую принципиальность во всех областях литературной жизни.

Товарищ Сталин многократно подчеркивал, что учить и воспитывать кадры это значит не замалчивать их ошибки и неудачи, не бояться обидеть работников критическим замечанием, а, напротив, смело, открыто, принципиально и объективно критиковать деятельность наших людей, ибо ложная боязнь обидеть человека наносит ему серьезный вред. Об этом сталинском указании следует постоянно помнить! Нельзя допускать, чтобы из-за боязни обидеть художника, будь он опытным литератором или начинающим писателем, в нашей печати появлялось неполноценное произведение.

«Творческая дискуссия и объективная, независимая критика — это стало уже аксиомой — являются важнейшим условием творческого развития», — говорил А. А. Жданов. Однако, творческие дискуссии у нас, не говоря о том, что подчас они проводятся на низком идейном уровне, не стали методом каждодневной работы писательских организаций. Доказательством тому может служить деятельность ряда комиссий Союза советских писателей. Седьмая в «Литературной газете» напечатана статья М. Прилежаевой о критике в детской литературе. Писательница правильно указывает на серьезные недостатки в работе комиссии по детской литературе Союза писателей. В этой комиссии отсутствовала критика и самокритика. Творчество молодых писателей не получало достаточной поддержки со стороны руководящей комиссии, а опытные писатели избегали критиковать друг друга. Такое недопустимое положение возникло только потому, что деятельность комиссии протекала в затхлой атмосфере, без творческих дискуссий.

Совершенно недостаточно развита принципиальная творческая критика в секциях прозы и поэзии, в комиссиях по драматургии. Их деятельность сводится, главным образом, к обсуждению отдельных, иногда случайно выбранных произведений без попыток обобщить развитие нашей литературы. В комиссиях по теории литературы и критике, призванной возглавить критическую работу Союза советских писателей, почти отсутствуют творческие обсуждения, нет глубокого обобщения процессов, происходящих в нашей литературе. Комиссия не ставит больших, серьезных, жизненно-творческих вопросов перед писательской общественностью.

Большевистская литературная критика является в руках партии важнейшим средством идейно-художественного руководства советской литературой. Понятно поэтому, какое огромное значение имеют критические отделы литературно-художественных журналов. Каждое новое явление в нашей литературе должно найти оценку в печати. Это жизненно необходимо и писателям и читателям. Но до сих пор еще наша критика — в том числе и критика в «Литературной газете» — далека от охвата всего богатства литературных явлений, от глубокого осмысления литературных процессов.

Наша критика отстает от литературы, отклоняясь на новые литературные явления с большим опозданием. Критика и редакторы порой страдают «осторожностью», в силу которой они предпочитают не высказывать своего мнения о новом произведении, прежде чем это мнение не станет бесспорным, «запроверенным».

Надо решительно отказаться от такой чрезмерно осторожной, выжидательной критики. Партийный литератор обязан смело и самостоятельно высказывать свои суждения о литературе. В день семидесятилетия товарища Сталина Г. М. Маленков очень хорошо сказал: «Если большевик твердо убежден в своей правоте, он должен, действующий так, как ему подсказывает его разум и его совесть. Если добрые прав, если его высказывания и поступки соответствуют идеям, принятым, решениям, указаниям партии, никто и ничто не может столкнуть его с правильного пути».

25 января состоится очередной XIII пленум Союза советских писателей. Первым вопросом, который будет обсуждать пленум, является вопрос о задачах литературной критики. Надо надеяться, что пленарные заседания пройдут под знаком большевистской критики и самокритики, что результатом работы пленума станет возросший уровень критики и самокритики в нашей литературной работе — этого могучего оружия развития советской литературы.

ЛИТЕРАТУРНАЯ
ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА
СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР
ГАЗЕТА

Наши университеты

Алексей ПАНТИЕЛЕВ

Осенью 1949 года лауреат Сталинской премии Н. Российский поехал в составе советской делегации в Румынию. Делегацию ввиду встречали с большим радушием, и особенно бурно, горячи были эти встречи на предприятиях.

Тридцать раз выступил Н. Российский перед румынскими рабочими. На заводе имени 23 августа он говорил о шести-семи-десяти аудиторией. Знатный мастер выступал здесь в особой роли — в роли посланца социалистического общества, в роли делегата из будущего.

О чем же рассказывал делегат из будущего? На первый взгляд, об очень скромном явлении нашей жизни — об одном заводе, о своем, нет, хочется сказать, о моем, о нашем «Калибре».

В газетах и журналах не раз упоминался «Калибр» заводом-садом, заводом-университетом, заводом, обгоняющим время.

В самом деле, на «Калибре» свой календарь: скажем, 17 ноября прошлого года, когда Российский рассказывал в Румынии о делах завода, на календаре «Калибра» было уже 12 апреля 1951 года.

Известно, что «Калибр» планомерно, последовательно сотрудничает с несколькими институтами Москвы — инженерно-экономическим им. С. Орджоникидзе, станкостроительным им. И. В. Сталина, с научно-исследовательскими институтами Академии наук СССР. Кандидат экономических наук И. Чангли не случайно принесла свою научную диссертацию на «Калибр». Калибровцы являлись авторитетными консультантами для ученого.

Известно также, что на «Калибре» есть зеленый пех: в этом замечательном пехе (начальник И. П. Усов) вы найдете, наряду с липой и кленом, вязом и дубом, прямодлинные тополя, туи и каштаны. Говорят, цветы воспитывают художественный вкус у мастеров-локальщиков, столь необходимый им.

Николай Российский, например, любит сырею. Он известен как шеф сыреи в зеленом пехе. Нравятся ему еще флоксы. У заводских стен — целые заросли флоксов.

А под пеховым окном, близ которого расположено рабочее место знатного локальщика Хирова, забитый Усов высидит какие-то редкостные цветы, — оказывается, именно их любит тов. Хиров.

Такое конкретное выполнение слов недавно столь необычайного сочетания слов: завод-сад.

Можно было бы привести также красочные факты: за четыре послевоенных года, участвуя во Всесоюзном социалистическом соревновании, завод «Калибр» 26 раз занимал первое место (с вручением Красного знамени правительства и премий), вторые и третьи места — 8 раз.

Вслед за первым стахановским участком мастера Н. Российского на «Калибре» родился первый в стране стахановский пех инженера И. Оснаса, лауреата Сталинской премии. «Калибру» одному из самых первых присуждено звание Стахановского завода.

Но мы упустили бы главное, если бы не заметили, что «Калибр» потому стал заводом-примером, что всегда был, есть и останется заводом, который учится.

На «Калибре» учатся все. Учатся упорно, каждодневно.

В 1936 году дочь крестьянина комсомола Раиса Михайловна Сеина в числе первых двух-трех женщин окончила МВТУ имени Баумана. Пыле ее зовут на заводе «Рабочий-выручалочкой». Почему же она выручала и выручает свой коллектив? Потому, что учится и будет учиться у жизни всю свою жизнь.

Трудовая биография Раисы Михайловны парадоксально богата творческими исканиями и свершениями. Возьмем 1949 год. Ранней весной Раиса Михайловна поехала на выставку новой техники в Сталинград. Там был выставлен копытный штамп, сделанный посредством нового метода электроэрозии. Штамп этот — дело рук самой Сеиной, именно она первая внедрила на заводе новейший метод электроэрозионной обработки.

Но автор не задержался у своего творения. Он внимательно привлекла другая новинка, еще не освоенная на «Калибре» — прецизионное литье! Из брака отходов, обрезков металла — небывалое дотоле по

точности, по изяществу литье, не нуждающееся в сложной дорогостоящей механической обработке. Резкое упрощение, облегчение труда рабочего. Дешевизна, не утенная еще экономичность. Высокое качество.

От выставки до пеха — дистанция огромная, путь трудный, для некоторых характерен — непреодолимый. Но речь — о характере Сеиной. Решение пришло сразу: трудности — дело естественное, привычное: сломать их! И освоить, внедрить очередную новинку. Срок Сеина назначила себе сама — к 1 мая. К празднику. В два месяца.

И 30 апреля прошлого года новый участок прецизионного литья на «Калибре» дал первую плавку. С июня по октябрь сделано 40 тысяч деталей. Освоено 60 наименований. Экономический эффект — громадный. Только в августе сэкономили 63 тыс. рублей плюс 3 тонны металла.

Но, может быть, талантливый человек, новатор, Раиса Михайловна — блестящее исключение? В том-то и сила, что она — правильно в коллективе «Калибра». Так же работают Лесня, Васильев, Лежикова, Воронцов и многие, многие другие.

14 декабря И. Оснас и его сотрудники, инженеры и рабочие-рационализаторы работали с председателем Академии наук, лауреатом Сталинской премии, доктором технических наук М. Лозинским, ученым, которого на заводе считают старым другом.

Работали над проблемой закалки мелкосерийных деталей с помощью токов высокой частоты (ТВЧ).

Ученый принес на завод результаты опытов с ТВЧ в своей институтской академической лаборатории. Калибровцы пришли с конкретными вопросами из текущей своей производственной практики. Ученый и калибровцы сошлись у двух графелевых настольных досок.

И на досках появились формулы и чертежи, вычерчиваемые попеременно то ученым, то одним, другим, третьим калибровцем.

Это была не лекция, не семинар. Новая форма общения ученых с практиками — ее именуют очень любезно: содружество.

Дорого было услышать от доктора наук такое, например, заявление: — Я проумал задачу, заказанную пехом штангелей. Вот один из способов закалки рамки штангеткиркула.

Дорого было видеть, как тут же стал обсуждаться возможный метод закалки с помощью ТВЧ «гибких» ножей для резки металла и как в споре, умно на правдивом ученым, стал этот метод постепенно вызревать.

И дорого было узнать, что с помощью доктора наук Лозинского на заводе задумано новое большое дело: налаживать автоматический контроль температуры при закалке сталей с помощью ТВЧ. И. Оснас утверждает, что это — инициатива Лозинского, а Лозинский считает, что это — инициатива калибровцев. И тот и другой говорят правду: это встречные потоки инициативы.

В каждом пехе здесь планируется, внедряется, осваивается что-либо новое. Каждый третий на заводе — рационализатор, изобретатель.

19 ноября директор завода Александр Васильевич Непто собрал большое производственное совещание актива: стахановцев, мастеров, начальников пехов, руководителей рабочих цехов предприятия.

Порядок совещания: вступительное слово главного инженера, доклад четырех начальников пехов — двух передовых и двух более слабых.

Двум из докладчиков приходится очень туго. Один из них пытается умелой шуточной сглазить или подчеркнуть острое углы. Другой спорно упорно спорит, ищет себе оправдания. Это — руководители «отстающих» пехов. Сразу же огорчившись: оставание на «Калибре» — заводе коллектив в него стахановского труда, — явление особенное.

Отстающие пехи дают программу, перевыполняют ее, но работают недостаточно ритмично. Потому-то совещание полно такой острой критики.

И вместе с тем это рядовое рабочее совещание — событие поистине праздничное. И вовсе не потому, что первые докладчики, начальники пехов — микрометров и заготовительного — в своих содержательных докладах рассказали о блестящих примерах организации ритмичного труда, прекрасного, как здоровое сердцебиение. Все совещание в целом — праздник.

— Товарищ начальник пеха! — обращается А. Непто к одному из докладчиков. — Не спать ночей, бегать за деталями — ума не нужно, нужны ноги! Вы в прошлом — партийный работник, должны понимать: не станки решают — люди. Боритесь за людей!

— Мы гордимся нашим транспортным пехом. Обычно на заводе он самый трудный. А в чем секрет его успеха у нас? В том, что начальник пеха нашел общий язык с учениками: его пех стал лабораторией института. Товарищи начальники пехов, нужны вам доценты, кандидаты наук? Дадим! Требуйте их!

Обращаясь к секретарям пеховых парторганизаций, Непто спрашивает: — А с людьми, с активом говорили, советовались? С людьми решали или без них?

Обращаясь к начальнику критикующего пеха, Непто подчеркивает: — Почему ты защищаешься, оправдываешься? Мы собрались, чтобы разобраться, а не ругать тебя. Собраться подумать сообща, коллективно и понять, что с тобой происходит, а ты мешаешь нам это сделать.

Что же в этом совещании нового? Почему хочется назвать его новаторским? Потому что виден воочию, как в трудностях, в борьбе движется, развивается, общается новыми и новыми средствами могучий творческий процесс строительства коммунизма.

В чем же секрет этой необычайной, страстной, всепоглощающей и неисчерпаемой заинтересованности людей в своем труде, в своей повседневной работе? За что любят завод, почему бесконечно дорожат им?

Ответ подсказывается самой логикой вещей, смыслом приведенных фактов. Очень интересно работать на «Калибре». Выше счастье быть, очень интересно жить — высокопроизводительный творческий труд. Это счастье обрели калибровцы. Выше счастье для нас — строить коммунизм.

И еще одно наблюдение. Мы много заняты в наши дни проблемами рентабельности, экономичности. Наш человек, строитель коммунизма, видит эту рентабельность в каждом своем поступке, в каждом шаге вперед, во всем своем, не имеющем пределов, постоянном, неостановимом творческом росте.

А жизнь наша такова, законы социалистического общества, основы советского строя таковы, что то, что рентабельно для человека, то и государственно рентабельно.

Капиталист видит выгоду в угнетении человека. Капиталист строит свое существование на эксплуатации.

Социализм растит, пестует человека, обогащает его духовно и материально.

И только слепой не увидит в социалистическом отношении к человеку нашего победоносного преимущества над капитализмом, преимущество морально-политическое и государственно-экономическое. В этом — великий залог нашей общественной, социальной жизнеспособности и залог габели всяческих варварских «американских образцов жизни».

Мы живем, товарищи, умно, живем по-людски, живем красиво. Это видеть и с гордостью ощущать, обдумывая могучий жизненный опыт такого завода, как «Калибр».

Мы помним, что в названии своего университета Максим Горький, Советский простор человек вправе гордиться своим и университетами, прекрасными и счастливыми университетами нашей социалистической действительности.

Дорогой Алексей Александрович! Президиум Союза советских писателей СССР горячо поздравляет Вас, одного из лучших и любимых народом советских поэтов, неутомимого общественного деятеля и пламенного большевика, со своим пятидесятилетием.

Всю жизнь Вы посвятили беззаветному служению нашей великой Родине. Вы стойко боролись за народное дело в гражданской войне, в годы восстановления и первых пятилеток, во время войны с белыми и в годы Великой Отечественной войны.

Вы являетесь примером литератора-коммуниста, чье творчество неразрывно связано с жизнью страны и делом коммунистической партии. Советская литература многим обязана Вам как художнику, творчество которого явилось ценным вкладом в поэзию социалистического реализма, и как общественнику-организатору, отдавшему много сил и энергии для выполнения задач, выдвигаемых большевистской партией перед советскими писателями.

Талантливый редактор многих газет и журналов, фронтовой корреспондент «Искры» и «Брасов звезды» — вот самый краткая выписка из Вашего «послужного списка», за которым стоят горячие годы и большие труды.

Ваши произведения широко известны в советской стране и далеко за ее пределами. Советский народ любит Вашу вдохновенную поэзию о великом Сталине. Каждая строка этой поэмы давно стала крылатой, поистине народной. Ваши песни «По военной дороге», «Песня защитников Москвы», «Песня смельчак», книги Ваших стихов расширяют благородную душу советского человека и вдохновляют людей нашей страны.

В последние время Вы не раз приходилось представлять советскую литературу за пределами Родины, и мы знаем, с каким достоинством и честью Вы выполняете эту высокую задачу.

От всего сердца желаем Вам, дорогой Алексей Александрович, здоровья на многие годы и новых больших творческих успехов, желаем Вам и впредь идти в первых рядах поэтов и воинов великой сталинской эпохи, — в самых первых рядах советской литературы.

Президиум Союза советских писателей СССР

Поэты и прозаики Туркмении к юбилею республики

АШКАБАД. (Наш корр.). Поэты, прозаики и драматурги Туркменистана встречают двадцатипятилетие республики новыми произведениями. Лауреат Сталинской премии Берды Кербаев написал повесть «В сиянии белого золота», Ата Каушуров — роман «Бахар и Хошегды», Беки Сейтаков — повесть «Горячие дни». Эти произведения посвящены колхозной тематике — росту богатства и культуры села.

Молодой прозаик П. Карпов закончил повесть «Ашхабадцы» — об индустриальном Туркменистане. Положительную оценку печати получила пьеса «Сын чабана» драматургов Гусейна Мухтарова и Кара Сейтамова. Она идет в театре имени Сталина.

Творческие вечера молодых писателей

КИЕВ. (Наш корр.). На днях в клубе писателей состоялся два творческих вечера, организованных комиссией по работе с молодыми авторами ССП Украины. На вечерах председательствовал Павел Тичина. Одиннадцать молодых писателей Львовской, Полтавской и Закарпатской областей выступили со своими творческими отчетами перед писательской общественностью украинской столицы. Свои произведения на вечерах прочитали Р. Братунь, И. Ряченко, Ю. Усаченко (Львов), Я. Шутько, Ф. Галин, В. Скрипичник (Полтава), М. Томичан, В. Боржавин, И. Чендей, Л. Вако и С. Панько (Закарпатская область). В обсуждении их творчества приняли участие киевские писатели. Отметив достоинства произведений молодых авторов, они высказали ценные критические замечания.

По Советскому Союзу

ХРОНИКА КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ

◆ Проскурв. В области закончилась месячная книга. Продано литературы почти на два миллиона рублей, открыто двенадцать районных и колхозных книжных магазинов, закончена организация колхозных библиотек. Теперь библиотеки имеются во всех сельскохозяйственных артелях Подолья.

◆ Нижний Тагил. Местный музей изобразительных искусств организовал для колхозных сел передвижную выставку на тему «Русское реалистическое искусство девятнадцатого века».

◆ Талин. Общественность Талина отпраздновала 50-летие со дня рождения одного из талантливейших эстонских поэтов Юхана Сютсте. В последние годы вышел два больших сборника избранных стихотворений поэта; часть из них впервые переведена на русский язык. Писатель Руммо и композитор Капп заканчивают работу над новой оперой «Певец свободы», которая образует последний период жизни Юхана Сютсте.

◆ Воткинск (Удмуртская АССР). После реставрации здесь, на родине П. И. Чайковского, открылся Дом-музей великого русского композитора. На втором этаже Дома-музея помещается детская музыкальная школа имени Чайковского.

◆ Мытищи (Московская область). На вагоностроительном заводе создан вечерний институт металлопромышленности. В институте занимается 143 человека.

◆ Ташкент. Закончилась третья республиканская олимпиада художественной самодеятельности, посвященная 25-летию Узбекской ССР. В смотре, которые предшествовали ей, участвовало 25 тысяч человек.

◆ Красноярск. Исполнилось 70 лет со дня рождения и 20 лет творческой деятельности известной сибирской сказительницы Екатерины Ионовны Чичаевой. Чествование состоялось на ее родине в селе Емельяново. С приветствиями юбилею выступили секретарь Красноярского крайкома ВКП(б) тов. Черненко, колхозники, писатели. Получено много приветствий и адресов.

МАТЕРИАЛИСТИЧЕСКОЕ УЧЕНИЕ О ЯЗЫКЕ

6 января исполнилось 85 лет со дня рождения академика Н. Я. Марра, крупнейшего советского ученого, основоположника материалистического учения о языке. Его учение сложилось под непосредственным влиянием классических трудов В. И. Ленина и И. В. Сталина, что неоднократно подчеркивал сам ученый.

Материалистическое учение Марра о языке сыграло выдающуюся роль в практическом осуществлении ленинско-сталинской национальной политики, которая привела к расцвету национальных культур, языков и литератур советских народов. В опубликованной недавно работе академика И. Мещанинова и профессора Г. Сердюченко «Языкознание в Сталинскую эпоху» показаны некоторые результаты этой работы советских языковедов. Так, в нашей стране насчитывается сейчас более 60 национальных письменностей и литературных языков, что во много раз превышает число литературных языков, существовавших в России до Великой Октябрьской социалистической революции. Стремление широких масс трудящихся в различных республи-

ках и автономных областях Советского Союза к овладению русским языком привело к реформе архаичных алфавитов и переходу подавляющего большинства алфавитов народов СССР на русскую графику. На систему русской графики перешли 20 тюркских народов, угрофинские народности и другие. Опубликованы большой русско-украинский словарь, русско-азербайджанский, русско-киргизский, русско-башкирский, толковый словарь армянского языка и многие другие. Капитальный вклад в советскую лингвистическую науку составили десятки научных грамматик.

Огромная работа проведена в области построения новой, советской терминологии. Так, в Армянской ССР Терминологический комитет утвердил более 18 тысяч медицинских терминов, 13 тысяч юридических и большое количество общественно-политических, военных, сельскохозяйственных. В Грузии за последние годы издано 23 терминологических словаря и подготовлено к печати еще девять — по архитектуре, праву, финансам, химической промышленности и пр. В Латвийской ССР за последние три года утверждено около 40 тысяч терминов.

Издания 1950 года

РИГА. (Наш корр.). В этом году в Латвии напечатано больше, чем в 1949 г., будет издано книг художественной литературы. Директор Латгосиздата тов. М. Шинковец сообщил корреспонденту «Литературной газеты»:

— Мы выступим в свет 6 томов из полного собрания сочинений Я. Райниса, 5 томов прозы А. Упита, все три части «Вурис» В. Лациса и новый роман А. Саксе «Искры в ночи». Поэзия будет представлена книгами Ю. Ванга, А. Валодиса, А. Чака, М. Кемпе и др. Намечены к изданию новые пьесы А. Броделя «Счастливая встреча», Ф. Рокпеллиса «Перелом», А. Грингуса «Новая поросль».

Обширно будет представлена русская классическая литература и произведения писателей братских народов СССР. На латышском языке выйдет пять томов сочи-

нений М. Горького, избранные произведения И. Тургенева, Т. Шевченко, «Обрыв» И. Гончарова, «Повесть о детстве» Ф. Гладкова, книги В. Шинкова, Ю. Яновского, А. Твардовского.

Из иностранной литературы мы наметили издать произведения А. Зегерса — «Сельский храм», Г. Фаста — «Дорога свободы», М. А. Нексе — «Морте Красной», Т. Драйзера — «Титан». Большое место в плане издательства занимают книги для детей дошкольного и школьного возраста. Наряду с произведениями писателей-классиков Л. Толстого, И. Крылова, М. Лермонтова, Я. Райниса, мы издаем книги советских прозаиков и поэтов — В. Маяковского, С. Маршак, С. Михалкова, М. Ильина, А. Грингуса, Ж. Гривы, А. Саксе, М. Прилежаевой, В. Катаева, П. Бажова, А. Мусатов, А. Гайдара и других.

Дело" Ивана Копылова

И. АРАМИЛЕВ

Встречаются иногда факты, мимо которых невозможно пройти без гнетущего гнева и неодолимого желания вмешаться, устранить то, что является каким-то неслучайным пережитком старого в нашей светлой жизни, в наших новых человеческих отношениях.

Такой вопиющий факт случился недавно во Львове.

В годы Отечественной войны старший лейтенант Иван Васильевич Копылов честно сражался за Родину. Молодой офицер был дважды ранен, потом в Восточной Пруссии подорвался на mine. Демобилизованный пилот Копылов осенью 1945 года пошел на учебу: его приняли в Курский авиомеханический техникум.

Копыловские годы учебы, и вот Курский сахаротрест направляет молодого специалиста на работу — техникум электротехнических мастеров при Львовском сахарном заводе. В самом радужном настроении ехал Копылов к месту назначения. Впереди — большая, интересная жизнь, мечта о трудовых подвигах во славу Родины!

Но, увы! С первых же шагов трудовой путь техника оказался тернистым... Во главе мастеров стоял Яков Поляков — атакант «музейный» тип руководителя, весьма редко встречающийся в нашей советской жизни. Малограмотный, не имеющий технического образования, Поляков руководил в общем и целом, однако подчиненных своих держал в трепе. Страдал пагубным увлечением к казенному спириту, каковой хранил у себя на квартире под тем предлогом, что высокоградусная влага в заводской кладовой может «самовозгореться» или привлечь похитителей.

С рабочими Поляков был высокомерен и груб, походка «сыпала» непонятными словами, любымчичкам-похалтам делал «премиальные» прищипки, строптивых «вышибала». Не было в мастеровских большевистского порядка, дисциплины, план не выполнялся, рос брак.

Копылов, который с энтузиазмом принялся было за работу, сразу же погрузился в работу. Начальник лишил его всякой самостоятельности, превратил в мальчишка на побегушках. Стоило техникум отнять какое-либо распоряжение, как появлялась мрачная фигура Полякова, слышался грубый окрик: «И здесь хозяин! Делать по-моему!»

Неуч-начальник презрительно именовал вузы инкубаторами по изготовлению специалистов. На Копылова он покрикивал: «Эй ты, инкубаторный техник!»

Копылов выступил с критикой недостатков и ошибок начальника, выступил против вопиющих безобразий в мастерской. Совет не позволила ему молчать.

Пригласили к столу справедливого критика Поляков? Нет! Завнавшись,

чуждый человек, он объявил беспощадную войну технику. Начались унижения, притеснения, наглые насмешки.

Однажды «хозяин» уехал из города. В тот день как раз главный инженер Львовского сахарного завода тов. Катана, по договоренности с трестом, приказал Копылову передать заводской автоколоне токарный станок. Копылов приказ выполнил.

Вернувшись из поездки, Поляков объявил техникум строгий выговор с предупреждением за... «самовольное хозяйничанье». Трест утвердил это несправедливое высказание.

Копылов подал заявление в партийную организацию Львовского сахарного завода, просил расследовать проступки Полякова, помочь мастерским выйти из прорыва. Копию заявления техник послал в трест. К письму Копылова присоединились комсомольцы Коломенец, Соболев и член партии Корсаков.

Партийная организация, разобравшись в деле, признала правоту молодого специалиста. Партийное бюро просило трест срочно заняться положением львовских мастеровских. Дело получило огласку, занять его уже было невозможно.

Почуввав опасность, Поляков применил старый львовский прием: обвинил честных людей в том, в чем они себя изобличили, кричи во весь голос, а там видно будет... Сочинив пространную клевету, начальник просил убрать «критику» техника как не соответствующую назначению.

Из треста прибыл ревизор — старший инженер-электрик Маевский. Подтвердившись обвинения, выдвинутые Копыловым против Полякова? Да! Ну, и что же? Маевский нашел «соломоново» решение: снять с работы Полякова и... Копылова!

Сказано — сделано. Едва успели выдохнуть чернила на приказе о снятии Копылова, как последовал дальнейший «кадр»: директор Львовского сахарного завода Тарасов предисказал технику — в трехдневный срок! — освободить казенную квартиру. Какая оперативность! Инвалиду Отечественной войны, уволенному за критику начальства, «свежидо» предлагают поселиться под открытым небом...

Уверенный в своей правоте, Копылов продолжал борьбу. После Маевского «дела» Копылова занимался энергичек треста Вацковский. Что он сделал? Поддержал выводы своего сослуживца Маевского.

Мы читали докладные записки обоих инженеров-трестовиков. Они поражают

своей необъективностью: слишком явно стремление смягчить вину Полякова, слишком явно желание очернить Копылова.

Иван Копылов обратился с жалобой в Курский обком профсоюза рабочих сахарной промышленности. Президиум обкома принял увольнение Копылова незаконным.

Казалось бы, вот и кончилась «дело» Копылова. Молодой специалист восстановлен, виновники гонений наказаны, уроки извлечены... Нет! На сцене появились еще одно действующее лицо: тов. Москаленко, управляющий Курским сахарным трестом. Оно — это лицо — не желает восстановить Копылова на работе. Почему? Потому, видимо, что не уважают в тресте критику, не любят «самоистяз» людей, выносящих сор из трестовской избы.

В дело вмешались: Курский облпрофсоюз, ЦК профсоюза рабочих сахарной промышленности, нарсад Ленинского района Курска, областной суд. Дело — беспроигрышное и ясное — пухнет, обрастает справками, решениями, докладами, свідетельскими показаниями, актами, запросами. Инвалид, офицер, техник, советский человек, Копылов ходит по кабинетам, добивается правды.

Москаленко непоколебим! Он не хочет «сдаваться» перед общественностью, потому что боится уронить престиж вверенного ему треста. Ложное понятие о престиже понуждает его не замечать фактов, действующих вопреки истине. Надоед же когда-нибудь этому Копылову обивать трестовские пороги, и он исчезнет с горизонта.

Правда, на одном из этапов «дела» управляющий трестом сменил было гнев на милость: предложил Копылову заново поступить на другой завод. Техник отказался. И правильно сделал! Он ведь не милости просит, а справедливости. Не податка ему нужна. Речь идет об удовлетворении законных прав советского человека, пострадавшего за критику.

Вдумываясь в «дело» Копылова, нельзя спрашивать себя: да как же могло такое случиться?

Управляющий трестом Москаленко уверен, что он так и будет стоять на своей «твердокаменной» позиции: «издал приказ, и не отменю!» Он забывает, что «Принципиальность» в отстаивании своих ошибок к добру не приводит.

«Дело» Копылова — безобразное, позорное дело. Нельзя мириться с такими делами, никому не позволено за критику недостатков карать честного человека, поирать советские законы!

ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ БЮРОКРАТИЧЕСКИЕ РОГАТКИ НАДО УСТРАНИТЬ

Нам доводилось не раз посетить подмосковный детский кусто-туберкулезный санаторий «Бакровка». Мы всегда с большим удовлетворением отмечаем прекрасную постановку школьной воспитательной и пионерской работы в этом санатории. Отрадно было видеть, как тяжело больные дети, прикованные годами к постели, нормально учатся и принимают активное участие в пионерской деятельности.

Мы радовались тому, что эти дети, избавившись от своего недуга, смогут пойти в нормальную школу, в высшее учебное заведение, занять свое место в нашем социалистическом обществе. Кроме того, обстановка, приближающая детей к нормальной жизни, хорошо отзывалась на их моральном состоянии, поддерживая в них бодрость духа, активность, что является важным условием быстрого выздоровления.

Сейчас мы были крайне удивлены, узнав, что школа при санатории закрывается по формальной причине: оказывается, школы допускаются лишь при туберкулезных детских санаториях, а лечебное заведение «Бакровка» формально именуется не санаторием, а больницей. Курцевский райинспектор прерывал отпуски средств школе, ссылаясь на мертвую букву «установленного порядка» и игнорируя насущные нужды больных детей... Но разве дело в названии? Разве в «Бакровке» дети не дежат годами так же, как и в зарегистрированных санаториях? Зачем же лишать этих детей права на обучение?

Мы уверены, что это досадное недоразумение будет незамедлительно выяснено и больные дети вернутся к нормальной жизни.

Надо отдать должное учителям этой школы. Школе прекращен доступ средств, но преподаватели продолжают вести занятия. Рассчитывать, что так может продолжаться долго, — нельзя. Необходимо срочное вмешательство министерства здравоохранения и просвещения. Бюрократические рогадки надо устранить!

С. МАРШАК, Е. ИЛЬИНА, В. ЯН,
Корней ЧУКОВСКИЙ, М. АЛТАЕВ,
Лев КАССИЛЬ.

В ЗАЩИТУ КНИГИ

Миллионы книг и брошюр выпускает ежегодно наша полиграфическая промышленность. Даже один-два процента брака, возникающего при переводе литературы, это сотни и тысячи книг. Но, к сожалению, процент брака в результате плохой упаковки значительно выше. Дело в том, что книги довольно часто путешествуют, упакованные в легкую оберточную бумагу, перевязанную шпагатом.

Каждую пачку книг, прежде чем доставить на место, переносит много раз. Ручкой служат тот же шпагат, а он при этом постепенно все больше и больше деформирует переплеты и обложки. Отсюда, как неизбежное следствие, — смятые углы переплетов и смятые корешки.

Все сказанное относится, конечно, и к учебникам.

В советской школе учителям приходится улаживать в книге, приучают их бережно с ней обращаться. Но как быть ученику, если он получает учебник, уже основательно «изувеченный»? О каком бережном обращении с книгой можно в таком случае говорить?

Главной задачей необходимо установить стандартную упаковку книг, обеспечивающую их полную сохранность при транспортировке, и обязать все книготоргующие организации пользоваться только такой упаковкой.

Л. АГУФ
ВОРОШИЛОВГРАД

А. ПЛЕШКОВ От чистого сердца

Ужасны на станах голодные. В хлебородной амурской степи, где мы кочевали осенью 1943 года по колхозам, шла уборочная страда.

По ночам север начинал дышать холодом. На станах, ближе к зарослям тальника, врезавшегося в поле, пылали костер. И пока поварах растапливали алюминиевые миски, Петр Комаров, — как повелось в те дни, — читал стихи.

Когда бы я не был знаком с твоими холмами зелеными, / Где пахнут лесным чесноком, / Сосновой смолой и пинами, / Когда бы не знал я дорог / К твоим солоновым кустарникам, / К лугам, где мышиный горох / Обялся с травой-золотарником, / Когда бы в полях не бывал, / Где зреют колхозные озими, / Где с осени каждый озим, / Под пашню возделан колхозами, / Когда бы ручьи позавыл, / Где каждая струйка — хрустальная, — / Наверно бы, так не любил / Тебя, сторона моя дальняя!

Повариха поднесла ему дымящуюся миску.

— Только все у нас мясо одно, — прибавила она, словно извинясь. — Остренького-то ничего нет: война — кроме соли, никакой приправы...

Комаров широко улыбнулся и рукой откинул со лба темную прядь волос.

— А вот погоди!.. Я же как раз про это читал. Сейчас будет!.. Я еще днем присмотрел.

Он зашагал в тальниковый заросль, с минуты порывшись там и вернулся с двумя стеблями, увенчанными округлым корнешком. Это был дикий чеснок, косяк встречавшийся на Дальнем Востоке. Косяк не надолго поглядывавшую повариху, Комаров очистил белую сочную головку и с хрустом залупил ее. Вторая головка пошла по кругу...

Он преспокойно знал дальневосточную природу. Стихи П. Комарова насыщены всевозможными представителями ее флоры и фауны. То, что примечал он поэтическим взглядом, служило для многих своеобразным «открытием» мира. Читатель узнавал природу, что не так уж далеко от нас, оказывается, растут незнакомые — редчайшие в мире гигантские розовые цветы; их родина — Южный Китай и Бенгалия, но есть они и в советском Приморье, в ханкайских плавнях, и там, вместе с русскими родной земли, охраняют их пограничники Турьего Тога.

В стихах П. Комарова немало таких «открытий», но они — не самоцель, его никак нельзя было бы упрекнуть в любования экзотикой. Много рассеяно в этих стихах всевозможных этнографических сведений, но это и не рифмованные заметки натуралиста. Это подлинно поэтический рассказ о том, как своеобразна и богата природа родного края и как щедро раскрываются ее дары под рукой советского человека-солдата.

Среди ранних стихов поэта были и удавшиеся от жизни — условно романтичные, либо содерзательные, где пейзаж оказывался самоцелью: П. Комаров настойчиво предостерегал этот недостаток в последние годы сумел в лирических картинах родных мест выразить новое видение мира, новое восприятие самой природы. Даже пейзажные его миниатюры, и те отражают явления новой действительности, связаны с преобразующей деятельностью людей.

Каждую коренную перемену природы, например, в одной из миниатюр давнее представление о трудолюбивой пчеле! Изначно оно служило «критерием» трудолюбия человека. А теперь? Поэт видит, как после жаркого дня работы уснувший в поле колхозник жидки. Рядом с ним, «опоздав в свой улей возвратиться, поучет в колокольчик пчел». Но чуть свет — веселые жидки снова за работой. Вспомнив о пчеле, поэт завершает миниатюру простым и покоряюще убедительным выводом: как видно, пчелы у нас в колхозе учатся труду».

Или еще: о колхозе, «ночном молотобойце». В основном бору птица эта всю летнюю ночь словно «молоточком бьет по серебру». Стук ее вызывает представление об искусной работе отбивающего косы кузнеца. И снова — предельная метафора-вывод: «не в его ли кузнице колхозной птица научила ремесло?»

Родная природа живет в стихах П. Комарова свободно и поэтично, раскрываясь в милых сердцу подробностях — либо совсем новых, либо по-новому освещенных. Она не статична, не мёртва; со сменой лет все более меняется ее облик, меняется и самый пейзаж. В шепет степных «соловьиных кустарников» входит «скорговорка кобытайна», «сдвоенный стук» тракторной. Утренние гудки больших новостроек отла-

Петр Комаров. Избранные стихи. Изд-во «Свобода», Москва, 1949.

Рассказывают редакторы журналов

В нашем журнале основное место должны занять произведения, посвященные важнейшим темам современности, рассказывающие о трудовых подвигах советского народа, раскрывающие образ героя сталинской эпохи. Это теме и посвящены романы А. Копылова «Живая вода» (о жизни и труде колхозников дальнего Удмуртского края), «Путь к солнцу» (о жизни и труде колхозников своего края) и Е. Катерини о людях большого машиностроительного завода.

Редакция получила роман азербайджанского писателя Мирзы Ибрагимова «Наступил день». Роман повествует о жизни различных слоев населения южного Азербайджана и Ирана.

«Звезда» предполагает также напечатать новый роман В. Пановой «Председатель горсоветов», повесть П. Вершигоро «Курпатовский рейд», роман И. Кремлева «Киров в Астрахани», Г. Леберехта — продолжение «Свет в Коорди», цикл путевых рассказов И. Соколова-Микитова, новые рассказы Э. Грина и ряд новых произведений ленинградских прозаиков.

Мы будем систематически знакомить читателей с новинками советской драматургии, в частности, напечатать новую повесть украинского драматурга Ю. Буряковского о Юлусе Функе и пьесу А. Штейна «Флаг адмирала».

В поэтическом отделе журнала — поэма В. Богатырева «Хозяева земли», большой цикл стихов современных китайских поэтов (в переводах А. Гитовича), новые произведе-

шают бескрайние тасканые просторы. Созвездия аэстетических очей в приключивших посылках и гордах затмевают зарю вечерних зорь. В вековую глупь былых вековых углов стремительно вторгается железнодорожная магистраль. Так преобразует свою землю советский человек-строитель — невиданный фронтник, что «воюю был — от Праги до Китая — желанным гостем» у народов, освобожденных от ига гитлеровских захватчиков и японских империалистов. О его безграничной преданности советской Родине, о его мужестве и бесстрашии П. Комаров поэтически рассказал в военных стихах.

После войны, вдохновленный грандиозным сталинским планом обновления земли, поэт создал цикл стихов «Зеленый пояс», еще ярче показав советских людей в их активном, революционном отношении к природе.

Работы по лесонасаждению в гигантских масштабах развернулись в стране. Глубокое знание и тонкое чувство окружающей природы помогли Комарову рассказать об этих работах поэтично. Образ родных ему лесов становится как бы оупоенным. Они — верные союзники человека в борьбе с засухой: «в зеленых гитлеровских, как солдаты, стоят они, защитники полей». Сама борьба за новые обильные урожаи рисуется, как сражение:

Той колючей пали, / Что несут суховей, / Мы войну объявили / Всей державой своей. / На путях у пасторов, / На границах пустынь / Лесовод и такатор / Занимают посты. / Завтра встанет у пашен, / Что засеял колхоз, / Пограничная стража / Топлей и берез!

«Зеленый пояс» — та же сыновья любовь поэта к пейзажу родной страны. Поэтическая манера П. Комарова отличается предельной законностью, стремление к скупой и точной художественной детали. Он строго держится некросового дельца — писать так, чтобы словом было тесно, а мыслям просторно. Вот стихотворение «Дуб» — оно все из одной строфы:

Словно часовой, в широкой поиме / Он стоит, оберегая роки. / И недаром на патрон в обложке / Каждый желудь у него пожит.

А вот — «Новоселье». Оно из трех строк, здесь та же глубина обобщения и те же милые сердцу, по-новому раскрытые подробности:

Украсит лесом эдакие края, / По пытке, задались мы целью. / И вот он лес! / И песня соловья / Пришла как раз к лесному новоселью. / Никто не ждал крылатого певца. / Он прилетел и, свихнувшись постепенно, / На пробу вывел, радая сердца, / Свое замшелое колено... / Что грех так, почти деревней всей / Мы слушали того певца на ветке / И думали, что даже соловей / К нам прилетел по плану пятилетки.

От частного поэт ведет читателя к пониманию общего, из настоящего как бы перебрасывает мост в близкое будущее. Садом стал не только один этот колхоз, справивший свое лесное новоселье. Гармоническое, комплексное развитие — закон всего нашего социалистического планового хозяйства. В переделе природы, в создании «зеленого пояса» — могучих лесонасаждений поод — участвуют все области страны, взаимно обогащаясь лучшими породами. Пройдет немного лет — и над преобразованной землей зашумят леса, где «в один зеленый ряд» станут ель с пригородным кедром и кавказский виноград, где «обнимется лиана с подмосковною осой». Тут воплотится и «личная» мечта поэта: краса и гордость его амурской тайги — бархатное дерево тоже «войдет в пейзаж коммунистического Завтра».

И это будет делом наших рук... / Придет пора — / Мы одолеем выгоу. / Сады перепахнут Полярный круг, / А лиственница выберется к югу. / И выку я тот благодатный год, / И этой песней, / Где роши замушели, / И полук холода, / Где мы достигли цели: / Там руть мертва, но обложка цветет!

Безгранично и искренне любящий родную землю, П. Комаров с такой же вдохновенной любовью, от чистого сердца воспедал и величественные дела своего народа, обновляющего эту землю, приближающего прекрасное коммунистическое Завтра.

Грустно сознавать, что недавно, в самом расцвете творческих сил, этот талантливый поэт безвремено умер, не успев сделать всего, что от него могла ждать, советская поэзия.

ДОЛГОВЕЧНОЕ ХРАНЕНИЕ ПЕЧАТНЫХ ТЕКСТОВ

ЛЕНИНГРАД. (Наш корр.). Возобновила свою работу лаборатория консервации и реставрации документов Академии наук СССР. Лаборатория оснащена многочисленными приборами и аппаратами отечественного производства, предназначенными для испытаний бумажного волокна, микробиологического исследования вредителей книг, реставрации документов.

Одной из интересных работ лаборатории является изыскание методов продолжительного хранения печатных текстов, уменьшенных в десятки и сотни раз по сравнению с оригиналами.

— Еще в довоенные годы, — сообщил вашему корреспонденту научный секретарь лаборатории А. Тихонов, — был проделан опыт сохранения на многие столетия полнок текста Сталинской Конституции. Пластинку, размером 6×9 сантиметров, с

уменьшенным текстом Конституции включили в толщину химически стойкого стекла, и в таком виде она сохраняется ныне в специальном футляре из плавленого диоксида. С помощью микротомов «емки на небольшом стеклянном кружке, диаметром три сантиметра, запечатлен текст обращения Иосифа Виссарионовича Сталина к народу в день праздника Победы над Германией. При рассмотрении этого кружка под сильным микроскопом можно увидеть первую страницу «Правды» за 10 мая 1945 года, на которой опубликовано обращение.

Сейчас сотрудники лаборатории разработали оригинальную установку, допускающую автоматическую «емку 250 страниц обычного печатного текста на фотоленте размером 90 квадратных сантиметров. Установка открывает широкие возможности для массовой консервации печатных материалов.

Она будет впервые применена в 1950 году для сохранения текстов Сталинской Конституции на языках народов 16 союзных республик.

Лаборатория уделяет также большое внимание предупреждению болезней книг, для чего разработана рецептура различных дезинфекторов. Проектируется специальная камера высокого давления, где обработка книг будет производиться под давлением в несколько атмосфер. Разрабатывается методика реставрации редких документов, древних рукописей, звукозаписей, археологические находок. В Институте востоковедения создан постоянный пункт, занимающийся укреплением древних рукописных текстов и старинных изданий. В Институте русской литературы ведется восстановление книг из личной библиотеки А. С. Пушкина.

А. МАКАРОВ ПЕСНЯ — ОРУЖИЕ

К 50-летию А. Суркова

Для ровесников Алексея Суркова, родящегося в рядовых при большой революции, подпрыгивая боевую эпоху, первые его книги, вероятно, звучали поэтическим воспоминанием об их славной молодости, побуждая по-новому осмыслить и пережить незабываемое.

Для людей моего возраста, юность которых совпала с эпохой первых пятилеток, это был голос старшего товарища и наставника. В ранних стихах А. Суркова раскрывался героический характер поколения, которое было для нас образцом мужества, духовной силы и внутреннего благородства, — характер сверстников Павла Корчагина, тот завидный характер, который оказал огромное влияние на формирование духовного облика всех последующих поколений советской молодежи и обаяние которого сохраняет полную силу и в наши дни.

Матрос Петро Гаманенко, вынесший Ленку-дородного из-под пулемета, «неуклюжими жестами напыльвающей неждо друта» разглагольствующий волосами умирающего; комбриг Исаев, как сокол, налетавший на вражескую конницу; минер Синица, упрямо думающий в тифозном лагере военнопленных о победе, и многие другие, такие же молодые, упорные, большевистской закалки люди — герои сурковских стихов — запечатлелись в самой глубокой памяти, памяти сердца, вызвали яркое желание стать достойным продолжателем их борьбы.

Великая правда далеких лет гражданской войны в стихах Суркова встала ярко и зримо, обрисованная мужественной и честной рукой художника, кровно связанного с народом и его борьбой за будущее. Его стихи раскрывают самый смысл этой борьбы: они наполнены страстной, неугасимой любовью к простым борцам революции и активной, героической ненавистью к врагу, к подлому прошлому, которое поэт призывал «качать бешено и упрямо». И они учат не размывать революционной ненависти на жалость.

Стихи говорили о прошлом, но были нацелены в будущее. Воспевая «созвучно гордость прославленных армий», они звучали одновременно «напоминаем о зав-

трашнем дне». И, может быть, не было в предвоенной поэзии песни, так много говорившей молодому сердцу, как сурковская песня о шедшем по военным дорогам боевом восемнадцатом годе, песня, в которой так чудесно, с таким искусством переплетается романтическое раздумье о прошлом с предчувствием будущего, где чувство верности Родине, готовности записать ее выразжено так кратко, кратко и спокойно, с сознанием достоинства и собственной силы.

По-большевистски требовательной, обязывающей, призывной входила гражданская поэзия Алексея Суркова в сознание сотен тысяч и миллионов его читателей, и мало найдется сердец, на которые она не отозвалась бы своего облагораживающего отпечатка.

Смелый Сталин гордится, / Смелого любит народ, / Смелого пуля боится, / Смелого штык не берет,

— прозвучали в первые дни Великой Отечественной войны слова поэта, как заповедь старшего всем, кто становился в общий строй с его поколением.

Верным боевым товарищем солдат Великой Отечественной войны прошла сурковская песня по всем фронтам войны. Она трубила тревогу, поддерживала в трудные дни, вела в наступательные бои.

Многообразна и богата советская поэзия, воспевавшая великий военный подвиг народа, но отчетливо слышен в ее величавом гуле зов кличка поэзии Алексея Суркова, кличка, закаленного и испытанного опытным воином и отдаленного им на вооружение народа. Чувство народного гнева, упряма, неугасимая воля к победе — главные мотивы военных стихов поэта. «Стихи о ненависти», «Солдатское сердце», «Наступление», «Песнь гневного сердца», «Стихи смелых», «Я пою ненависти» — названия он свои сборники, и эти названия превосходно выражают их содержание — кипящий густок страстных чувств советских людей, оскорбленных, негодующих и устремленных к победе. Но что в этих сборниках ныне отзвучало, отдельные стихи могут показаться написанными стихом, но лучшее прочно останется в советской поэзии.

Картины сурового окопного быта в стихах А. Суркова не заслоняют главного —

большой правды века, того, ради чего шли в бой наши современники, племя богатырей, считающее «отчизной советскую власть».

Только очень близко зная народ и глубоко чувствуя его, можно было суметь так многогранно показать живую душу народа, в которой ненависть к врагу, несущему смерть, только сильнее раздувает пламя любви к жизни, а суровые тяготы войны не угасили глубокой нежности.

Простой советский солдат предстает перед нами в стихах А. Суркова, как человек беззаветной преданности делу коммунизма, высокого долга и безмерного мужества. Равный связью зубами соединяет оборваный мной провод.

Лишь через час в снегу нашли. / В больших глазах застыла синева. / Меж мертвых губ по проволке текли / Живой команды твердые слова.

Связан и в смерти не покинул пост, / Венчая подвигом свой бранный труд. / Он был из тех, кто, поднимаясь в рост, / Без смерти, как города, берет.

Из таких мастеров очерченных образов, как образ раненого связиста или, например, беззастенчивого «бойца, заслоняющего от смерти чужого ребенка, возникает в военных стихах А. Суркова величественный облик народа-победителя, поднявшего на своих плечах тяжесть, которую «вспну поднять десяти поколениям».

С большой силой сумел поэт раскрыть источники нравственной силы и мужества русских людей — их патриотизм, веру в партию, любовь к Сталину, чувство близости между простым человеком и великим вождем, возникшее в стране социализма.

Удивительно проникновенно передает А. Сурков это особое чувство неразрывной связи народа и вождя равно и в торжественно-величавых строках «Песни о Сталине» («На просторах родины чудесной») и в простом четверостишии, посвященном фронтовым будням, и в поэме «Ночной беседе», где поседеший в боях тридцатилетний капитан рассказывает поэту, как вождь «невиданным никем придет в палатку и до утра беседует с тобой». Необходимо и свободно входит образ великого учителя и друга в стихи поэта, ибо:

Все мечты и мысли человечья / Сталин в сердце выносил своим...

В наших условиях, в условиях социалистического общества, является темой о бщепародной, и Алексей Сурков выразил в своем творчестве одну из наиболее существенных сторон жизни народа, сознательно избравшего судьбу передового борца за прекрасное будущее всего человечества.

Массовость поэзии А. Суркова, ее воспитательная сила объясняются ее партийной страстностью, ее подлинным демократизмом, несорбимой ролью поэта в мобилизующую силу человеческого слова, в разную силу боевого оружия — песни.

Лирка А. Суркова самоблгтна. Ее истоки в русской революционно-демократической поэзии. Поэт творчески развивает боевую, наступательную линию некаросовской публицистической лирики. Сурковская поэзия — это особый вид массовой песни, агитационной, публицистической, отдаленно строки которой воспринимаются, как призывы, как лозунги. Не случайно такие строки, как «Сталин — наша слава боевая» или «Только отважным героям радость победы дана», стали крылатыми, народными.

В стихах А. Суркова живо ощущается беспоконный, бурный, но целеустремленный и волевой темперамент их создателя, жизненный путь которого так типичен для советской эпохи. В автобиографии, предисловии к книге избранных стихотворений, поэт писал:

«Типичный представитель миллионов своих сверстников, тех безбравных и немущих, которых современная или Октябрьская революция сделала солдатами и строителями коммунизма, поколения, почувствовавшего хозяйскую радость открывателей нового мира, я должен найти те предельно ясные, простые и емкие слова, в которые вместилась бы честная, сильная, жизнеутраждающая и горячая исповедь их сердца перед лицом человечества и перед лицом будущих поколений. Ведь если мы не будем сильны это сказать, кто за нас скажет другой? Может быть, слишком смелая эта мечта. Может быть, таланта, и умения, и силы сердца нехватит, чтобы ее осуществить. Но ведь без дерзкой мечты скудно просто жить и совсем нельзя жить в поэзии. И, кроме того, человек, которого мы любим и которому мы верим больше, чем самим себе, не на ветер бросал слова: «Нет таких крепостей, которых большевики не могли бы взять».

Для осуществления этой светлой и дерзкой мечты поэтом сделано уже многое. Пожелаем же ему новых творческих успехов и такой же неиссякаемой силы сердца на долгие годы.

О критике детской литературы

М. ПРИЛЕЖАЕВА

Исторические постановления Центрального Комитета партии по вопросам литературы и искусства определяли направление развития советской литературы. «Задача советской литературы состоит в том, чтобы помочь государству правильно воспитать молодое поколение, ответить на ее запросы, воспитать новое поколение борцами, верящим в свое дело, не боящимся препятствий, готовым преодолеть всякие препятствия».

Детские писатели, первой обязанностью которых является воспитание молодого поколения советского народа, восприняли постановления партии по вопросам литературы и искусства, как прямое указание пути и цели своей работы.

За три года, истекшие после исторических постановлений партии по вопросам литературы и искусства, детская литература обогатилась рядом новых произведений, в которых решаются вопросы коммунистического воспитания наших детей и молодежи. В этих произведениях ставятся темы индустриального труда («Малышки» И. Липканова, «Бригада смешиленцев» В. Курочкина, «Звездочка» И. Василецко, «Волжской жизни («Сотжары» А. Мусатов, «Село Горюшище» и «Солнечный денек» Л. Воронковой), «Васек Трубочев» В. Осеевой, «Про наши дела» Ю. Сотника, «Беседная семейка» Н. Носова) и целый ряд других.

В детской литературе много еще недостатков, но широкий круг вопросов, поднятых ею за последние годы, и живой интерес к современности свидетельствуют о ее несомненном росте. И тем не менее, а может быть, именно поэтому детская литература нуждается в поддержке и помощи. Этой поддержке и помощи она вправе требовать прежде всего от критики.

Но, к сожалению, критика почти никак не вынимает из детской литературы, адресованной детям. Вот несколько цифр только по журналам. За последние три года журнал «Юный» опубликовал всего пять рецензий по детской литературе, причем за 1948 год — ни одной. «Знамя» за три года напечатало восемь рецензий и статей, включая и статью Б. Чуковского о зарубежной детской литературе, «Звезда» — девять рецензий и статей. «Новый мир» — двадцать рецензий.

За все три года (до ноября 1949 г.) в четырех наших толстых журналах не появилось ни одной обзорной статьи по детской литературе, если не считать поочередно статьи П. Брезнева «Большие запросы маленьких читателей» в «Юном» (№ 7, 1949 г.), разрабатывающей самое понятие о поэзии вообще и детской, в частности. Не было ни одного обзора детских журналов.

А сколько явлений в детской литературе остаются неосвоенными! Сейчас, например, можно уже говорить о прозе для маленьких (произведения И. Воронковой, С. Георгиевской, Н. Носова, Н. Артюховой, Л. Тайн) и жанре школьного рассказа (Ю. Сотник), о развитии национальных детских литератур, о детской литературе в областях, об очерке и публицистике для детей и т. д. Но ни одна из этих проблем не поставлена нашей критикой.

В высшей степени трудно, почти невозможно определить какую-то ведущую линию в отношении к детской литературе в толстых журналах. Большинство отзывов на детскую литературу носит случайный характер. За все это время с трудом можно найти две-три рецензии на детскую книгу, принадлежащие одному и тому же автору.

Это очень печальные факты. Они говорят о том, что журналы не направляют внимания критиков в сторону детской литературы. Они говорят о том, что среди наших критиков почти нет людей, которые были бы искренне заинтересованы в оценке и росте детской литературы, которые по-настоящему любили бы ее.

А, между тем, передовая русская революционно-демократическая критика уделяла исключительно большое внимание вопросам детской литературы. Примером может служить деятельность Добролюбова. Только за два года — 1858 и 1859, когда ни были созданы важнейшие работы — «Что такое обломовщина?», «Темное царство», «О степени участия народности в развитии русской литературы» и другие, — именно в это время Добролюбов опубликовал около двадцати рецензий на детские книги и большую обзорную статью о детских журналах «Звездочка», «Лучи» и «Журнал для детей».

С позиций революционера-демократа Добролюбов обличал реакционность многих детских книг своего времени; пропаганду расизма в книге Миллера «Мир в картинах» и в других переводных книгах; вульгарную нравственность стихотворений для детей Федорова, лишешных и намека на поэтичность; бедность познавательного материала в таких книжках, как «Путешествие с детьми по всем странам света, не выходя из комнаты»; мешающую ограниченность и схоластическую дидактичность большинства детских рассказов своего времени; уродливый характер вымысла в фантастических повестях, отвлекающих внимание детей от действительной жизни и т. д.

Оценивая детские книги, критик-демократ придавал огромное значение умению автора говорить с детьми.

Об этом не раз напоминал и А. М. Горький, писавший, что «автор, идущий в детскую литературу, должен учесть все особенности читательского возраста. В противном случае у него получится книга, лишняя адреса, не нужная ни ребенку, ни взрослому».

Основным критерием при оценке книги советского детского писателя должно быть: как эта книга помогает воспитанию будущих строителей коммунизма, как показывает в ней наша социалистическая действительность, новые взаимоотношения между людьми, новые черты в их характерах.

Говоря о значении детской книги, определяя ее пафос, критик должен сказать и о том, в какой степени и какими и на какой способ она воздействует.

Однако, когда читаешь статьи и рецензии на детскую книгу, несомненно замечаешь, что многие авторы не придают решительно никакого значения, кому адресована книга, забываят о ее специфике. В этом смысле показателна статья В. Бружовича «Знамя», № 7, 1949 г.) о книге В. Небылицкого и Т. Буналовича «В освобожденной Корее», изданной Дет-

ством в 1949 году. В этой обстоятельной статье, дающей детальный и квалифицированный анализ книги, ни словом не упоминается о том, насколько ее сложное (судя по изложению В. Бружовича) содержание доступно детям. Рецензия Дм. Молдавского на книгу Б. Кузина «За три моря» («Знамя», № 5, 1948 г.) также не дает никакого представления о том, для кого написано это произведение. Г. Гор, говоря о сборнике «Сказки, песни и стихи народов Севера» («Звезда», № 5, 1948 г.), так усложняет изложение содержания сборника и послесловия к нему, что читатель воспринимает эту книгу скорее, как научное пособие для литературных вузов, чем как сборник сказок для детей младшего возраста. Б. Могилевский («Новый мир», № 9, 1949 г.), указывая на недостатки и достоинства «Рассказов о хирургах» Ф. Копылова, вовсе не ставит перед собой задачи раскрыть их педагогическую направленность, доступность и интерес для детей.

Забывая об адресате детской книги, авторы многих рецензий игнорируют проблемы языка, формы изложения и вообще художественного мастерства.

Вот статья Л. Шапиро о «Бригаде смешиленцев» В. Курочкина («Знамя», № 5, 1948 г.). Автор высоко оценивает идейное содержание этого произведения, говорит о значительности темы, говорит убедительно, правильно. Но на вопросах формы, выразительности письма, которые особенно важны для В. Курочкина, критик не считает нужным останавливаться.

За последнее время вышло несколько книг о детстве крестьянского мальчика до революции — «Открытие мира» В. Смирнова, «Повесть о детстве» Ф. Гладкова. Читая статьи о новой книге на ту же тему — «Дядя-птица» Н. Тиханова (Куйбышевское областное издательство), хочется понять, в чем же индивидуальное отличие этой книги, в чем своеобразное художественное мастерство писателя, как по-новому им решается тема. К сожалению, рецензия И. Сада («Знамя» № 11, 1948 г.) совершенно не отвечает на эти вопросы.

Таковы наиболее характерные недостатки большинства рецензий на детскую книгу. Это не значит, что у нас нет хороших рецензий. Можно назвать удачные отзывы, опубликованные «Новым миром»: В. Сарнова о «Золотой рыбке» И. Дика, В. Галанова о «Сотжарах» А. Мусатова, Н. Павлович о повести «Васек Трубочев» В. Осеевой. Эти рецензии помогают писателю расти, преодолевать свои ошибки. Они ориентируют руководителей детского чтения, педагогически целеустремлены.

Однако вся детская критика за последние три года, в сущности, не больше, чем ряд рецензий, иногда поорисденных, иногда хороших, но и только. Бритика детской литературы не поднимается до больших обобщений.

Советская детская литература вступила в пору своей зрелости. У нас немало детских писателей, прошедших большой творческий путь. Говорить об этом — значит говорить о пути всей детской литературы. Но у нас до сих пор почти нет критических работ обобщающего характера.

Первый пропагандист и руководитель детского чтения — педагог. Не случайно Добролюбов большую часть своих отзывов на детские книги публиковал в «Журнале для воспитания».

Направляя педагога — руководителя детского чтения, прежде всего, педагогические журналы. Как же этот долг выполняют наши журналы, адресованные учителям?

Красноречивее всего на вопрос опять ответит цифра. Журнал «Допшкльное воспитание» за три года напечатал 16 рецензий, «Советская педагогика» — 6 статей и рецензий, «Литература в школе» — 5. Ничтожное количество статей о детских книжках в журнале «Литература в школе» говорит о том, что этот журнал недооценивает значения советской детской литературы для внеклассного чтения школьников. Удачна в журнале статья Л. Кой «Воспитательное значение произведений Аркадия Гайдара». Написанная со знанием материала, с темпераментом и целеустремленностью, эта статья послужит хорошим пособием для учителя.

Кроме Л. Кой, о Гайдаре выступил в журнале С. Брезнев. Итак, из пяти работ — две о Гайдаре. Журнал не решает задачу оценки вновь выходящих книг. Не свидетельствует ли это о робости журнала?

Такое впечатление робости оставляет и статья Н. Максимовой «Новые книги о детях и молодежи» (№ 1, 1948 г.). Максимова дала обзор новых книг Л. Кассидя, И. Липканова, В. Курочкина, Е. Копыловой, сборников «Мы учились в Москве» и «Школьный театр», но по существу это не обзор, а ряд не связанных между собой сухих аннотаций, без всяких обобщающих выводов.

Не больше интереса в детской литературе проявляет и другой педагогический журнал — «Советская педагогика». Из

Литературная хроника
◆ Кишинев. Закончился конкурс на лучшую рассказ, новеллу и очерк, объявленный ССР Молдавии. Жюри присудило первую премию тетюхору одной из кишиневских строк С. Шляху, вторую — молодой писательнице В. Малевой, третью — работнику лесхоза С. Пасью и поэту В. Ронка.
◆ Орел. Собрание литературного актива города обсудило новый роман писателя-орловца С. Леонова «Молодость», изданный местным издательством. Отметив удачу автора в изображении орловской деревни периода гражданской войны, участники собрания указали на ряд серьезных недостатков (слабость психологических мотивировок, увлечение интригой, языковые погрешности).
◆ Алма-Ата. Состоялся встреча профсоюзного актива города с лауреатом Сталинской премии М. Ауэзовым. Писатель рассказал о своей работе над романом «Абай» и поделился творческими планами на будущее. Он сообщил, что его новое произведение будет посвящено борьбе и жизни казахского народа — «от времен Абая» до наших дней.

шесть статей о детских книжках, помещенных в журнале за три года, четыре дают оценку произведениям, много раз освещенным в печати («Повесть о настоящем человеке» В. Полноева, «Это было под Ровно» Д. Медведева, «Дальнее плавание» Р. Фраермана, сказки Б. Чуковского). Ничего принципиально нового к оценке этих книг журнал не прибавляет. В шестом номере журнала за 1949 г. помещена обзорная статья учительницы Н. Костаревой «Книги о советских школьниках».

Н. Костарева искренне любит детскую книгу, хорошо знает интересы детей. Стремление к обобщениям — ценная черта этой критики. Однако Н. Костарева допустила в своей статье односторонние и педагогически неправильные оценки.

Так, о патристической повести Е. Ильиной «Четвертая высота», горячо принятой нашими детьми, Н. Костарева пишет: «... трудно полностью использовать эту в общем талантливую повесть для воспитательных целей». Почему же трудно? Потому что в ней мало чувствуется влияние школы на героиню. «То же приходится сказать и о другой книжке — «Повесть о сыне» Е. Копыловой», — продолжает критик, затеряв, таким образом, это замечательное произведение. И эту ошибку критика редакция журнала не исправила.

Попытка «Советской педагогики» давать обзоры по детской литературе — положительный факт, но редакция должна позаботиться о более высоком уровне этих обзоров.

Среди педагогических журналов особое место занимает журнал «Допшкльное воспитание». Этот журнал более систематически печатает критические статьи, можно говорить о направлении журнала. Основная масса рецензентов — педагоги, широко заинтересованные в качестве книг, они используют их как материал для своей повседневной работы. Практический подход к оценке художественной литературы для самых маленьких детей имеет свои плюсы и минусы. Минусы в том, что в статьях нет обобщений, оценки творческого пути писателя, каждое произведение разбирается изолированно, у читателя не возникает представления о литературном процессе в целом. Достоинства практического подхода в том, что все рецензенты великолепно знают, верно ли адресована книга. Каждый из них выступает с критикой, имея огромный запас наблюдений над тем, как ребенок реагирует на идеи и образы того или иного произведения. Они знают из практики, как данная книга воздействует на детей, какие вызывает размышления, вопросы, в каком побуждает поступкам, играм. Словом, они рассматривают книгу в ее действии. Отсюда вытекает ряд ценных для писателя указаний на недостатки его работы. Все рецензенты в «Допшкльном воспитании» требуют от писателя точности содержания. Так, Н. Айдарова, рецензируя сборник «Качели» А. Старуха, указывает на ряд неуказок в ее статьях — освещенный днем трамвай, зарядка вместо вечерней гимнастики и т. д.

В журнале «Допшкльное воспитание» намечается довольно устойчивый состав критиков, интересующихся дошкольной книгой, любящих и знающих ее. Это — Н. Айдарова, Н. Карпинская и другие.

Систематически дает оценку детской книге журнал «Пионер». За три года было опубликовано более 40 материалов. Сюда входят рекомендательные списки, письма писателей о книгах и, главным образом, рецензии, вернее, аннотации. Удачна статья Е. Рубиной «Путешествие за тайнами леса» о книге «Подное лукошко» Н. Надеждиной, своеобразно и поэтично расширяющая содержание этого произведения. Это тот живой, в высшей степени заинтересованный разговор с детьми о книге, в ответ на который у юного читателя безусловно возникает желание немедленно прочитать книгу.

По оценке книг в «Пионере» носит несколько односторонний характер — это рекомендация, подтверждающая только положительные стороны произведения. Редакция журнала следует подумать о том, как в рекомендательную аннотацию внести элементы критики. Ведь читатель-подросток и сам заметит недостатки в любой книге, — не следует ли рецензенту сдержанно, с педагогическим тактом, но верно их об'яснить?

Основным недостатком критики детской литературы является отсутствие постоянного состава людей, которые пристально и любовно следили бы за развитием детской литературы, глубоко и серьезно анализи бы ее специфику, поддерживали бы в ней рост нового. Вина за это во многом ложится на Союз советских писателей, на его комиссию по теории литературы и критике, ни разу не обсуждавшую состояни критики детской литературы.

Комиссия по детской литературе при Союзе советских писателей ничего не делала, чтобы организовать, правильно ориентировать и развить критиков. Мало того, иногда новые книги или не замечались комиссией («Звездочка» И. Василецко) или встречались неадекватное осуждение. В докладе А. Ивича, организованном детской комиссией в 1947 г., безоговорочно была осуждена повесть В. Осеевой, которая, несмотря на отдельные недостатки, правильно ставит вопрос о коллективе советских детей. В докладе В. Смирновой о школьной повести (1949 г.) фактически отрицалось все, что за последние годы сделано в этой области советскими писателями. Неверие в новые силы и скептическое к ним отношение, ориентация на установившиеся литературные имена, отсутствие твердой принципиальной линии — вот что в значительной мере определило стиль работы комиссии детской литературы при Союзе писателей.

Необходимо добиться перелома. В центр внимания детской комиссии должны быть вверены поставленные важнейшие проблемы литературы для детей. Комиссия с помощью секретариата Союза писателей должна добиваться того, чтобы печатные органы Союза планомерно и систематически освещали эти проблемы. Шире и глубже нужно освещать вопросы литературы для детей и в педагогических журналах, роль которых в пропаганде детской книги особенно велика. Положение с критикой детской литературы неблагоприятно. Об этом нельзя молчать.

В поисках творческой среды

Иван ЕГОРОВ,
специальный корреспондент
«Литературной газеты»

В Грозном мы познакомились с довольно большой группой литераторов. Это инженеры, техники, педагоги, журналисты, клубные работники, рабочие-производственники, студенты и т. д. Для первого знакомства 23 товарища принесли свои произведения — повести, рассказы, стихи, поэмы. Образовалась горка рукописей общим объемом около 30 печатных листов. Как нам раз'яснили, здесь были представлены лишь авторы, проживающие в непосредственной близости к центру города. Особо работали литературные кружки при клубе Старо-Промыслового района, при Медистингате, при Деме культуры нефтяников и на ряде больших предприятий.

Многие литераторы из технической интеллигенции большого промышленного города занимаются творческой работой в одиночку. Да и эти вот двадцать три товарища, тяготеющие к редакции газеты «Грозненский рабочий», тоже, по существу, одиночки. Они разобщены настолько, что не знают, кто над чем работает, не знают, что таит горка рукописей, никем не читанных, никем не обсуждавшихся.

Почему же у писателей Грозного нет взаимного творческого общения, нет обычной для советских писателей товарищеской взаимопомощи, нет коллектива?

Три с лишним года тому назад Грозненский областной комитет партии вынес решение: организовать литературное объединение при редакции газеты «Грозненский рабочий», ответственность за работу которой возложить на партбюро «Грозненского рабочего». Было создано оргбюро литоб'единения. В него вошли руководители работников газет, в том числе ответственный редактор Т. Самарян и представители писательской общественности города.

«Медовый» месяц литоб'единения был чрезвычайно коротким: те, кому было поручено руководство творческой группой, оказались людьми занятыми и в группу ни разу не заглянули. Решение о выпуске литературных страниц в газете вскоре забылось. Литераторы загрустились: не печатают, нет трибуны, а читать произведения друг дружке — какой прок?

На радиовещание грозненских писателей не допускают: кто их знает, что за писатели, раз они не печатаются.

Грозненское областное книгоиздательство успешно выполняет свои планы за счет переиздания классиков — Пушкина, Гоголя, Толстого, а также книг лауреатов Сталинской премии.

Когда местный автор Б. Зюров принес в книгоиздательство рукопись своей повести «Огневики», ему, не взглянув на рукопись, сказали с подкупающей искренностью:

— Ну вот, допустим, будем мы ее читать, отнимать у вас время, а вы будете у нас отнимать время. Стоит ли? Ведь все равно мы ее не напечатает. Для нас имеется прямой смысл отослать ее еще куда-нибудь...

С автором Н. Штанько произошел еще более искренний, еще более откровенный разговор. В 1945 году тов. Штанько представил издательству рукопись «История города Грозного». Объем партии ознакомился с рукописью и вынес решение: печатать. Проф. Н. М. Коробков отредактировал рукопись. Издательство включило в план. С тех пор и по сей день рукопись «находится в плане издательства».

Почему же не печатаете? — допытывается автор. — Ведь рукопись одобрена.

— Она-то, конечно, одобрена, — со вздохом говорит управляющий издательством Т. Лузев, — а вот попробуй выпустить, тут он, какой-нибудь критик, возьмет да и ударит...

«Избежание» этой опасности «История города Грозного» на веки-вечные залегла в портфеле издательства.

Вот 30 листов рукописей: повесть Галины Леонченко, повесть Б. Зюрова, рассказы Штанько, Гольдмана, Лубина, Орешко, Половниковой, Ставника, Смирнова и др., стихи Н. Егорова, Златоуровского, Бурдина, Ткаченко, Крюкова, песни Новотельнова и т. д.

При внимательном прочтении оказалось, что из пятни рукописей можно отобрать дельные произведения, доработать

и сделать хороший литературный сборник. Но никто его не делает. Книгоиздательство бьетса. Сама писатели? Они привыкли чувствовать себя на положении обделенных, обделенных: «Никто нам не уделяет внимания, никтода нет помощи, потому и нет литературной организации, нет творческой среды...».

Но почему же нет никакой инициативы со стороны самих писателей!

Разговор идет о «необходимом толчке». Драматург В. Шлыни уточняет:

— Мне, собственно, не толчок нужен, а толкач. Я пишу пьесу о нефтяниках и могу быстро закончить ее. Но мне нужен соавтор. Он может не писать ни одной строки, его задача — проталкивать пьесу в репертуаре, в отделе искусств, в театре. Без толкача ничего нельзя сделать.

Выясняется, однако, что в предвоенные годы на сцене грозненского областного театра с большим успехом шла пьеса Шанниа «Кровь земли». Она была одобрена, принята и ставилась без всяких «толкачей».

В. Шанниа говорит о «толкачах» без иронии, без жалчи, с атакой чистосердечной озабоченностью, — настолько протно в'едос в его сознание диковатое, явно наивное представление о правах на театре.

Заканчивая большую повесть «Наступление», писатель Александр Ткачев, инженер-нефтяник, допытывается: куда, в какой край следует послать рукопись — в Ростов, Ставрополь, Краснодар или в Баку?

— А если ее читать, редактировать и печатать в Грозном?

— Да, взгляде ли, у нас это как-то не принято, нет опыта, нет традиций... смелости нет. Ничего нет.

В Грозном есть все: есть большая группа писателей — прозаиков, поэтов, драматургов, есть квалифицированные критики, публикующие свои статьи в московских изданиях (тт. Путилов, Виноградов), есть мощное, с хорошей материально-технической базой книгоиздательство, есть две большие ежедневные газеты — областная и городская.

Нехватает «толчка» со стороны областных руководящих организаций и инициативы самих писателей, чтобы создать действующее писательское объединение.

НОВОСТИ ИСКУССТВА

РАДОСТЬ, ВДОХНОВЕНИЕ, ЖИЗНЬ

Этот заголовок не случаен. Великий, кто побывал на концерте Молдавской декады, которая проходит сейчас в Москве, олицетворяет большую и радостную жизнь молодой советской республики, жизнь, создающую чудесное искусство. Необычайная стремительность, вдохновение и, главное, высокая художественная культура — вот в чем сила и обаяние наших гостей.

Хоровая капелла «Дойна», ансамбль народного танца, прекрасные солисты лучше всяких слов рассказывают языком искусства о прекрасном настоящем и будущем своей родины — Советской Молдавии. Торжественно, гордо звучит «Песня о Сталине» молдавского композитора С. Няга на слова Ем. Букова; в молдавских «дойнах», в которых раньше народ выражал свою ненависть к захватчикам и порабощателям, теперь слышится радостный мотив новой, свободной жизни; глубокой народный чувства, яркостью, высоким мастерством отмечены искрометные танцы молдаван — «Жок», «Молдавская», «Коезе», «Букурья».

Широка и многообразна программа декады молдавской музыки и танца! Все лучшее, чем богато музыкальное искусство республики, привезли молдаване в Москву. Среди певцов и танцовщиц и зрелищ, прекрасный мастер Тамара Чебан, и гудящая Молдавская консерватория, бывшая колхозница Дубоссарского района Валентина Цейтлин — участница международного фестиваля молодежи, и заслуженный артист Молдавской республики Е. Уреке, и множество других, пожилых и молодых, щедро одаренных людей.

Пусть не обидятся на меня артисты, фамилии которых я не упоминаю. Дружный творческий коллектив — вот самое дорогое в этом памятном концерте.

Гигантский рост хозяйства, который я наблюдаю на полях и в городах Молдавии, сопровождается таким же бурным ростом народных талантов. Юный молдаванец, заканчивающий агрономический техникум, с которым я подружился в Кишиневе, и другой юный молдаванец — танцор, отвечающий радостным поклоном на восторженное овацию москвичей, и их друзья и товарищи в тесном строю советских людей идут к чудесному светлему будущему.

И хочется сказать:
Всем богатством сердца молодого
Москвичей ты радуешь, Молдова.
Будто принеси свои плоды,
В этот зал молдавские салы.
Над яларской землей Москвой —
Теплота державы трудовой.

М. СВЕТЛОВ

«ВЕИ, ВЕТЕРОК»

Московский Театр драмы порадовал зрителя волнующим молодежным спектаклем «Вей, ветерок» Яна Райниса. «Вей, ветерок» — это и сказка, и драма, и народная песня. Пьеса классика латышской литературы Яна Райниса народна не только потому, что написана народным языком, но, главным образом, потому, что в ней так горячо любовь поэта к простому люду, так велика боль за него, так огромна тревога за его судьбу.

Две дочери у хозяйки мызы — Зана и Анда. И еще есть третья — приемная дочь Вайба, на которой лежат все тяжкие работы по хозяйству на услады — она и шьет, и вяжет, и метет муку... Но если дочери хозяйки завистливы, своенравны, жестоки, то Вайба чиста и проста сердцем, самоотверженна, она готова вступить за постоянно обижаемого калеку-пастуха, невзирая на сплетни и насмешки кумушек. Из-за Даугавы едут женихи — это красивый и сильный Улдис и

его друг — комичный забулдыга Дылдис. Улдис, ранее влюбленный в Зану, случайно увидел сироту Вайбу на мукомолье. Он поражен и красотой ее лица и чистотой ее сердца. С этого мига — его любовь только к ней, только ее он ищет, ее хочет взять в жены. Вайбу преследуют и ее «сестры» и «мать». Пьеса кончается трагически — Вайба бросается в Даугаву, и Улдис увозит в своей ладье ее тело.

Конечно, никаким переказом нельзя передать пленительную поэтичность пьесы, где так ни реплика, то раскрытие большой мысли, сильного чувства.

Московский Театр драмы поставил спектакль с большим вкусом, тактом и пониманием характера пьесы (постановщик Дмитрий Вурос). В спектакле все дышит полнотой, правдой. Это застает и в большом, и в таких деталях, как хорошед перед обручением, песни, национальные обычаи. В постановке нет излишней пышности. Художник Г. Федоров сумел создать сдержанное и выразительное оформление. На заднем плане кулевые облака, взвихренные ветром, сияния полнолуния Даугавы. Сцена обрамлена спускающимися вниз полотнищами с латышским орнаментом.

Театру удалось наполнить сцену атмосферой латышской сказки, и потому так непринужденно звучат строки «Вей, ветерок» в исполнении молодых артистов.

В поэтичном переводе пьесы, выполненном Николаем Асеевым, не потеряны ни остроты юмора, ни задушающие их порывы ветра трагедии. Сохранено звучание и яркая образность поэзии Райниса. Видно, что пьеса переведена человеком, проникшим в чувства автора и полюбившим его творение. Видно, что и постановщик и весь актерский коллектив также полюбили «Вей, ветерок», иначе пьеса не вызвала бы ответного волнения зрителей.

Своим спектаклем «Вей, ветерок» театр показал, что он много и серьезно работает с молодежью. Имена актеров — участников спектакля лишь недавно появились на афишах, но можно с уверенностью сказать: у нас растут артисты хорошей советской реалистической школы, уславдовавшие лучшие традиции русского театрального искусства. Глубоко волнуует игра молодой талантливой актрисы В. Славной (Вайба), умевшей трогательно и правильно передать образ простой латышской девушки, в душе которой соединялись пленяющая скромность с отважностью. Большая любовь Вайбы к бедным людям вызывает горячие симпатии зрителей. Хороши исполнительские роли Заны (С. Воронцова) и Т. Бабанина) и Анды (И. Павлова). Трудную роль Улдиса удачно, с темпераментом велет молодой артист А. Холодков, хорошо сгравировавший со своим комическим партнером С. Прусиковым (Дылдис).

Финал пьесы Яна Райниса, при всей своей трагичности, не оставляет зрителя в печали. Зритель чувствует, что жизнь милой, доброй Вайбы возродилась для простых людей в новой, социалистической Латвии. Из-за Даугавы повеял ветер новой жизни, давший всем бывшим падчерицам право любить того, кто пришелся по сердцу, и трудиться для тех, кто трудится. Ради этой мысли была написана Яном Райнисом драматическая поэма «Вей, ветерок».

Г. МДИВАНИ

ЗАТЯНУВШЕЕСЯ МЛАДЕНЧЕСТВО

Стерекино; это исключительное по своему значению изобретение инженера Ивана Обемини. Эрик цвет, обемность — какие богатые возможности получил кинематограф! Но до сих пор работники стереоскопического кино не могут выйти из младенческого возраста.

Московская киностудия художественных фильмов имени М. Горького выпустила новую программу цветных стереоскопических фильмов. Большой коллектив режиссеров, операторов, художников, композиторов трудился над созданием трех короткометражных фильмов. Мы побывали в московском зоопарке («Среди зверей»), посмотрели работу учащихся Государственного училища циркового искусства («Под голубым куполом»), провели день в «Артеке» («День чудесных впечатлений»).

Спорует — все это интересно. Зрители получают искусство ловких гимнастов, с большой радостью наблюдают за жизнью веселых и счастливых советских детей. Но в чем же оно о, о, что могли и должны были привнести работники стерекино, обрашавшие к этим знакомым сюжетам?

На экране мелькает кадр за кадром. В публику летят мячи, посланные рукой жонглера, над залом покачиваются ветви деревьев с прекрасными плодами, над головами зрителей развевается пионерский флаг. К зрителям скользит по проволоке гимнастка. В зал направлена струя воды. Перед экраном плавают рыбки...

Еще трюк, второй, третий, четвертый — однообразные, неоднократно виденные в этом же зале.

К концу программы не остается сомнений, что единственная задача, которую ставили работники обемного кино, — это любыми способами захватить зрителя на минуту поразитесь, ахнуть. Поэтому то и дело в их лица летят мячи или озорные птвички норовят сесть на голову.

Подобные «фокусы» находили известное оправдание в первые годы существования стерекино, когда нужно было широкому зрителю продемонстрировать возможности этого вида киноискусства. Сейчас упорное повторение одних и тех же приемов становится нетерпимым.

Выбор темы, содержание фильма, композиция кадра — все подчиняется трюку. Не многообразная, наполненная богатым содержанием жизнь диктует свои законы авторам стереоскопических, а заранее придуманный (и много раз использованный) «оригинальный прием». Раз навсегда принятая схема заставляет топтаться на месте, лишает возможности двигаться вперед, настойчиво искать и смело экспериментировать.

Автором всех трюк сценария является А. Филлимонов. Трудно понять, что же привнес кинематограф в показанные нам фильмы. По существу, сценарий нет, и в этом таится объяснение неудач работников стерекино. Сценарий — идея и художественная основа кинематографического произведения. Эту непреложную истину забыли деятели обемного кинематографа.

Привлечение самых широких кругов литераторов к работе над сценариями для стереоскопических фильмов выведет на широкие просторы эту исключительно интересную область киноискусства, поможет сломать штампы и сделать нашу действительность содержанием фильмов, а не предлогом для нагромождения малоинтересных трюков.

Г. ГАБРЕВСКИЙ

Боннские фашисты и их хозяева

Л. ЧЕРНАЯ

Прошло лишь несколько месяцев с тех пор, как немецкие временщики в Бонне объявили свою программу, организовали так называемый «парламент» и пытаются править уютным западногерманским «государством».

В Бонне «котла» густо замешаны звериний поповизм, идеи реванша, расистские человеконенавистнические бредни. «В последние две недели на страницах газет и журналов, выходящих в Западной Германии, — сообщает корреспондент шведской газеты «Дagens Nyheter» из Дюссельдорфа, — можно было видеть значительно большее количество портретов Гитлера, Муссолини и Гейбелса, чем в эпоху третьей империи». Лондонский радиокорментатор Эдгар Лостонгет с эпическим сплотивением повествует: «За последние недели и месяцы в Западной Германии наблюдается возрождение агрессивного националистического духа».

Можно без преувеличения сказать, что возрождение нацистской идеологии является сейчас одним из самых модных бизнесов на территории боннского «государства». Этим бизнесом занимается и престарелый гитлеровский генерал Гальдер, опубликовавший брошюру «Гитлер как полководец», и бывший подручный Гейбелса Макс Вильгельм и Отмар Бест, которые возобновили издание гитлеровских листовок, и всевозможные крупные и мелкие чиновники из боннской администрации. Весь штат бывших нацистских слуг забирает громадные деньги, торгуя «воспоминаниями» о жизни своих фашистских господ. Личные секретари и гофмейстеры, денщики и повары, прослужившие много лет в качестве вернейших слуг Гитлера, прекрасно зарабатывают теперь на статьях о личной жизни фашистских «корифеев», преподнося читателю откровенное месиво из порнографии и нацизма.

Впрочем, междоусобица, охватившая гитлеровцев в Западной Германии, еще далеко не исчерпывает дела. Западногерманские нацисты не только вздыхают о бывшем фашистском «рейхе», но и строят весьма обстоятельные планы на будущее.

Оборонные расходы англо-американской реакции, фашистские «оборотки», которые долгое время действовали в одиночку, пытаются создать сейчас различные легальные и полулегальные фашистские организации. Первый шаг к объединению всех неонацистских элементов сделан на совещании в Гудесберге. На этом совещании, созванном, кстати сказать, в годовщину вероломного нападения Гитлера на СССР, бывшие генералы, видные чиновники гитлеровской партии и реакционные промышленники призвали к «окончанию междоусобицы распрей» и объединению под старыми милитаристскими и националистическими лозунгами.

Вслед за тем в Западной Германии началось активное сколачивание всевозможных фашистских групп. По сообщению газеты «Берлинер пейтунг», в конце ноября в Швабах состоялся третий съезд так на-

зываемого Немецкого блока, откровенно нацистской организации. Глава этого блока Карл Мейнер подвизается сейчас в роли нового «фюрера» и выступает с наглыми требованиями реставрации фашистского режима в боннском «государстве». Карл Мейнер предлагает «упразднить демократию», создать армию по образцу гитлеровской, вернуться к финансовой политике Шахта и окончательно реабилитировать военных преступников, возместить им «убытки».

Возрождение фашистских групп заняты и другие неонацистские «фюреры». Гюнтер фон Эйнем, сын известного немецкого генерала, а также бывший начальник генерального штаба германских военно-воздушных сил Крейне организовали не так давно немалую фашистскую партию земли Северный Рейн — Вестфалия. Другой фашистский главарь Фейтхенхагль сколотил так называемый Отечественный союз в Мюнхене. Мюнхенские нацисты сразу же перешли от слов к делу: от циничных речей о восстановлении фашизма к хулиганским нападениям на антифашистов. Боннские полицейские обаялись, разумеется, на стороне Фейтхенхагля. Однако это его не удовлетворяло и он заявил, что в ближайшее время намерен создать свои собственные охранные отряды.

Гестаповский агент Гизевигус пошел еще дальше. Как сообщает немецкая газета «Вайрше пейтунг», он намерен вновь организовать гестапо по «гитлеровскому образцу». Матерый фашист Отто Штрассер, повсеместно известный под кличкой «сгрябный нацист», уже свыше четырех лет ведет свою преступную игру в Западной Германии. «Подпольные» группы штрассеров в боннском «государстве» становятся день ото дня все гуще. Из Канады, своей нынешней резиденции, Штрассер пишет циркулярные письма друзьям в Западной Германии.

Канадская газета «Галифакс мейл» позаботилась о том, чтобы создать Штрассеру соответствующую рекламу. В начале декабря «Галифакс мейл» опубликовала одну из статей Штрассера, написанную в 1947 году. В этой статье фашистская пиписька со свойственной ему наглостью заявляет, что англичане и американцы «в один прекрасный день» еще «призовут немецких фашистов» и вновь «попырают» за оружие. Судя по всему, этот «прекрасный день» уже наступил в маршнотном боннском «государстве».

Факты показывают, что между созданием боннского «правительства» и бурным возрождением фашистских организаций есть прямая и непосредственная связь. Ничего странного в этом нет. За спиной боннских маршнотков, так же как и за спиной фашистских голловоров, стоят одни и те же политические режиссеры — англо-американские поджигатели войны.

Империалистическим хищникам необходимо пушечное мясо для войны против свободных народов мира. Американские вербовщики хорошо понимают, что только вояки растленных фашистских немцев можно заставить проливать свою кровь во имя обогатителя поджигателей войны с Уолл-стрит. Поэтому-то они и насаждают в Западной Германии фашизм.

Вербовка фашистских ландскнехтов происходит по плану, составленному американским поджигателем войны Джоном Фостером Даллесом. Проект «А-2» Даллеса заключается в том, чтобы «создать из нацистских подонков американский иностранный легион в Европе. В точном соответствии с этим планом действует и глава боннского маршнотного «правительства» Аденаур. Корреспонденту агентства ДПА Аденаур заявил, что его не устраивает демилитаризация Германии. Он призвал создать «немецкие контингенты в европейских вооруженных силах», то есть, попросту говоря, создать немецкие наемные армии для американских империалистов.

Недавняя поездка государственного секретаря США Атчесона в Германию свидетельствует о том, что американские империалисты сговариваются о перевооружении Западной Германии и о включении немецких «контингентов» в армию пресловутого Северо-атлантического блока. О планах вооружения немецких ландскнехтов во всеуслышание заявляют американские генералы. Так, например, генерал Кей призывал не так давно к созданию немецкой наемной армии, а генерал Брэдди заявил, что после «сражения» политических и экономических проблем необходимо «рассмотреть» военное значение немцев.

Как и следовало ожидать, всей «черновой» работой по сколачиванию наемных армий в Западной Германии занимаются старые фашистские генералы, которые быстро «превратились» из военных преступников в ближайших помощников англо-американских милитаристов. Так, например, в Гиссене, где обсуждался вопрос о формировании немецкой армии, руководил небезызвестный генерал Гальдер. Немецкие офицеры проходят курсы «переподготовки» на американских военных аэродромах, а также непосредственно в США, где их обучают в специальных школах.

Англо-американские поджигатели войны мечтают о том, чтобы превратить массы немцев в ландскнехтов без роду и племени, предварительно напав на их дом неонацизмом.

Но немецкий народ не хочет новых военных авантур. Прогрессивные слои немецкого народа все более решительно и активно вступают на путь борьбы за мир и демократию. Миллионы немцев все яснее начинают понимать, что только изюм пути демократии и дружбы с Советским Союзом, Германия может занять подобающее ей место в семье миролюбивых народов.

В. БИХОВСКИЙ

Социология гангстера

Вообразите философствующего гангстера, представляющего себе, что все люди созданы по его образу и подобию. Свою собственную «судимость» он считает нормой поведения для всех людей.

На основании такого представления о людях он создает свою «философию истории», свое понимание общественной жизни. В его воображении не укладывается то, что у других людей могут быть иные интересы, суждения и нормы поведения, отличные от повадок банкетов.

Империалистическая буржуазия — класс-гангстер. И ее идеология, рассматривающая мир с точки зрения этого класса и в соответствии с его духовным складом, любая жизненная деятельность представляется лишь поведением для грабежа.

Гангстерство превратилось в неотъемлемую составную часть «американского образа жизни» и «образа мыслей». Американское кино пропагандирует банкетизм. Американский роман прославляет подвиги громилы. Американские социологи теоретически обобщают характерные банкетские черты и возводят совокупность этих черт в ранг «человеческой природы». Гангстерские повадки они превозносят, как правила общественной деятельности, как нормы международной политической практики.

Один из неонацистских социологов — профессор политических наук чикагского университета Ганс Моргентау выпустил книгу «Политика силы против человека и науки». Книга эта может служить наглядной иллюстрацией характерного для идеологии империализма рассмотрения общественных явлений глазами гангстера. Вся социологическая конструкция Моргентау построена на одном принципе, прикритом сверху для убедительности возро-

дом псевдонаучных фраз. Принцип этот таков: империалистические нравы представляют собой вечные и неизменные законы истории. Без стремления к захвату и порабощению для империалистов нет жизни на земле. Поэтому Моргентау, выводя под псевдонимом «Людвиг» империалистических агрессоров, разлагает историю: «Дух господства... является истинным существом стремлений, настоящим источником жизненной силы, ее плотью и кровью, определяющим принципом политической деятельности...». Без господства над другими людьми нет для империалистов жизни на земле. «Пелляя» отказаться от воледеления господства, не отрицая непреложных условий самого человеческого существования в этом мире».

Вдохновляя своих чикагских мясников, Моргентау приводит в назидание им слова главаря английского колониального банкетизма Сесила Родса, превратившего Южную Африку в английский жидогород: «Если бы я мог, я аннексировал бы и планеты!»

Политика вражды, злодеяний и несправедливости — единственная политика, признаваемая империализмом, фашизмом, а следовательно, и Моргентау. Кудажное право, аргументация дубинкой — для него единственно убедительный довод. Он органически не способен понять международную политику, стремящуюся к миру между народами.

Для Моргентау непостижим общественный строй, при котором люди живут не по закону джунглей. В его сознании не укладывается, что на свете может существовать общество, основанное на началах свободы, справедливости и братства народов. Реальная действитель-

ность наших дней ставит его перед лицом непреложных исторических фактов, показывая, что такое общество не только возможно, но что оно уже существует. Перед лицом этой новой, недоступной его пониманию социальной действительности Моргентау продолжает твердить: «Не может быть!» Закоренелому банкету трудно поверить в существование чистых людей!

Человека Моргентау считает неразумным существом, находящимся во власти «иррациональных сил» — темных воледей и слепых инстинктов. Не следует, однако, думать, что Моргентау — покончивший разумом, оплошавший против неразумия, — боже упаси! На науку он кладет так же, как на создание ее людей. Книга его пропитана ненавистью к научному знанию. С первой до последней страницы ее он не перестает поносить разумную мысль. Главную задачу социологической науки он усматривает в том, чтобы доказать... невозможность социологической науки. В общественно-научном деле с «образсудными существами», действующими в силу «иррациональных импульсов», никакое научное понимание, научное предвидение, теоретическое руководство практикой, по уверению этого дилематирующего мракобеса, невозможно. Чикагский профессор политических наук из кожи лезет вон, чтобы убедить в том, что никакая политика, основанная на познании законов общественного развития, бессмысленна, что политика не наука, а искусство; и тут же разводит, какое искусство оно имеет в виду: государственный деятель «оказывает, подобно карточному игроку! Научно обоснованной политике неопределенную Моргентау противопоставляет авантюристическую политику — искусство политического жульничества.

Таково последнее слово чикагской «политической науки» — человеконенавистническая «этика злодеяния».

Моргентау не называет своих учителей, он даже нарочно не чит что-то сквозь зубы о непристойности фашизма и буржоем невинно что-то о мире и демократии. Он успел увидеть заповедь Хью Лонга. Этот «классик» американского политического банкетизма, пресловутый диктатор штата Луизиана, хорошо знал своих единомышленников. На вопрос: будет ли в США фашизм, Хью Лонг с присущим ему стопроцентным американским цинизмом отвечал: «Безусловно, но мы будем называть его антифашизмом». Привычные Моргентау из Германии слышали немецко-фашистского триполлоха хорошо прививались на заокеанской почве.

Одна из статей Моргентау носит многоязычительное название: «Сумерки между народной моралью». Под покровом тьмы банкетизма совершает свои «морские дела». Американский социолог добросовестно напутствует героев-гангстеров.

С. МАРШАК

Провал за провалом

Банкиры Уолл-стрит надеялись на Тито, на Ватикан, на Гоминдан, на хитрый маршалловский план и на секретный атом, Принадлежащий Штатам. Но не помог им Ватикан, Известный всем политикан. И у бандита Тито навеки карта бита. И провалился Гоминдан, И лопнул маршалловский план. И служит грозный атом Теперь не только Штатам.

Гиены в фельдмаршалских мундирах

Полицейские псы Жюль Мока

Американские монополисты меняют своих «французских» министров, как перчатки. Лишь от одного лакея — «социалиста» Жюль Мока — они пока никак не хотят отказаться. Пребывая уже более двух лет на посту министра внутренних дел, он всячески оправдывает оказываемое ему Уолл-стритом доверие.

В октябре 1948 года, когда Мок приказал двинуть против бастующих горняков танки, газета «Нью-Йорк геральд трибюн» в тоне комплимента назвала его «горя-

чим специалистом». Такая характеристика весьма польстила Жюлю Моку. В последнее время Мок, всячески стремясь еще более отличиться перед своими хозяевами, приказал ввести при полицейских отрядах специально обученных собак, чтобы травить французский народ.

На сугубое содержание каждого полицейского пса Мок выделил из бюджета своего министерства 65 франков — на 15 франков больше того, что получает рабочий-пенсиянер в сегодняшней Франции.

Впервые полицейские своры собак были «испытаны» во время разгона голодной демонстрации рабочих в Марселе. Как сообщила реакционная французская пресса, «они блестяще проявили себя».

Полицейские своры Жюль Мока после этого были спущены на демонстрацию матерей перед зданием военного министерства в Париже. В ответ на отказ жертвовать своими сыновьями, вояками во Вьетнаме, и на требование прекратить преступную войну Жюль Мок спустил на несчастных женщин своих бешеных псов.

Аркадий ПЕРВЕНЦЕВ

Заметки писателя

Литература и искусство новой Албании

Вскоре после приезда в Тирану, мне удалось побывать на спектакле и концертном самодельных творческих коллективов городов Шкодера и Корчи.

Меня порадовала высокая музыкальность исполнителей, своеобразные танцы, идущие от подлинно народного быта и доказывающие, прежде всего, что албанское искусство черпает жизненные силы не из формалистического и эстетских источников декадентского западноевропейского искусства, а из сокровищницы собственной народной национальной культуры.

Спектакль «Свадьба в Шкодере» — юность загорел и свеж. Под впечатлением этого народного зрелища, где так много непосредственности, оптимизма, искрометной спешивкой выдумки, ярких красок национальных костюмов, зрители час от часу все шумнее и отобретливее принимали артистов и в конце концов устроили им горячую овацию.

Народ впервые вышел на сцену албанского столичного театра. Именно народ находился на сцене! Нетрудно было догадаться о социальном положении исполнителей самодельных коллективов. На театральные подмостки смело, с гордо поднятыми головами вышли простые люди — рабочие, земледельцы, скотоводы. Они раскрасили своими плясками и танцами спектакль, драматический сюжет которого и поведение действующих лиц им близки и понятны, ибо взяты из жизни.

Первые ростки поднялись на здоровой и богатой почве фольклора. Можно сделать вывод: народ, несмотря на вековое угнетение, сохранил свою самобытную национальную культуру, которая должна теперь повсеместно развиваться и совершенствоваться, для по социалистическому пути развития.

В албанской драматургии уже сделаны первые и, по-моему, удачные шаги. Возьмем хотя бы пьесу Митчо Каламатли «Сомнительные друзья», разоблачающую враждебную деятельность американской и

английской миссий в Тиране. Эта пьеса, представленная на недавно проведенном конкурсе, получила широкое признание. Драматург Коль Яковца заканчивает свою третью пьесу «Аэрия», посвященную борьбе против турецких захватчиков, — драматической эпохой из жизни народа, к которой еще не раз будут обращаться литераторы и драматурги Албании. «Аэрия» — драма высоких патристических чувств, рвущая черты национального характера албанского народа.

Коль Яковца до этого написал антифашистскую комедию «Дом Пен», в которой раскрыл и показал предательскую деятельность католического духовенства. Другая его комедия — «Кувшин молока» — так же трактует современную тему.

Отраден сам по себе факт, что албанские драматурги правильно понимают стоящие перед ними задачи и создают актуальные произведения, являющиеся оружием борьбы на идеологическом фронте.

Основной задачей албанской драматургии можно считать Сами Фрашери — видного ученого, выносившего огромный труд по составлению грамматики албанского языка. В 80-х годах прошлого столетия он написал популярную пьесу о верности и дружбе — «Васа». После «Васа», вплоть до последнего времени, в Албании не было более или менее известного произведения драматургии.

Таким образом, подлинное рождение албанской драматургии произошло после освобождения страны от фашистских захватчиков, когда драматурги получили возможность без опаски писать на албанском языке близкие народу произведения, а актеры — без опаски играть в театрах, предоставленных в их распоряжение государством.

Албанская трудовая партия и правительство республике обращают большое внимание на развитие драматургии и театрального искусства. Раньше в стране не было ни одного театра, а теперь театры имеются, кроме Тираны, также в городах

Дурресе, Корче, Эльбасане, Берате, Фьере. Сейчас формируются профессиональные труппы в Шкодере и Корче; для них отбираются лучшие исполнители кружков художественной самодеятельности.

Помимо произведений отечественных авторов, театры ставят русские классические пьесы: «Женитьба», «Ревизор», «Не все коту масленица» и другие. Из пьес советских драматургов идут: «Платон Кречет», «Наместник», «Под каштаном Праги», «Московский характер», «Острый мир».

Когда я присутствовал в Тиране на репетиции пьесы А. Софронова «Московский характер», которую проводил режиссер московского Малого театра А. Кричко, в зале находилась почти вся труппа. Подобные репетиции превращаются в своеобразные курсы по повышению квалификации. Не занятые в спектакле актеры внимательно следят за всеми режиссерскими указаниями и делают заметки в записных книжках.

В Албании уже созданы свои режиссерские кадры: Антон Пано, Андерс Мало, Паули Стиму. Выдвигаются режиссеры из ведущих актеров — Михаль Пони, Шетри Пьеса.

И неоднократно слышны высказанные вслух мечты о необходимости создания оперного театра. Мне кажется, что эти мечты вполне осуществимы. Генеральный секретарь Союза советских композиторов Т. Хренников, участник нашей делегации, после детального ознакомления с музыкальным лицем, с молодыми музыкантами и певцами, прослушав разнообразные хоры, высоко оценил музыкальную культуру Албании. Если учесть ту большую тягу к учебе, к познанию и практическому освоению богатейшего опыта передовой советской музыкально-вокальной культуры, которую мы наблюдали в республике, можно уверенно предположить, что в недалеком будущем албанский народ сумеет создать свою национальную оперу. И здесь у Албании все впереди!

Говоря о литературе, надо отметить серьезную заботу и повседневно внимание к вопросам ее развития со стороны Центрального комитета Албанской трудовой партии и лично Энвера Ходжа.

Современная албанская литература входит на хороших дрожжах народно-освободительной борьбы. В героизме масс, сражающихся против оккупантов, перето-

вые албанские писатели, в большинстве сами участники этой борьбы за свободу, черпали первые впечатления.

Именно в очно освободительного движения мог родиться как поэт и прославиться в народе славный сын Албании, член ЦК партии, первый секретарь союза молодежи Кемаль Стафа — народный герой, павший от руки фашистов в 1942 году.

Тогда же выдвинулся в первые ряды революционных писателей Швечет Мусарай. Он первым в литературе поднял гневный разоблачающий голос против изменников и предателей своего народа — «банкетов», главарь которых Мухтар Фрашери после разгрома его контрреволюционной банды бежал вместе с английской миссией в Италию. Поэма Ш. Мусарая «Балли комбета» имела большой успех, и вряд ли найдется человек в Албании, которому не было бы известно имя ее автора.

Бескорыстное служение передовых литераторов родному народу, обществу, наконец, свободу, пришлось не по вкусу реакционной настроенной интеллигенции. Она не захотела открыто перешла в услужение империалистам и из-за рубежа выступает против своего народа, другая — пытается маскироваться внутри страны и, оставаясь на рыхлых позициях буржуазной реставрации, тоже вредит народу.

Для характеристики людей враждебного лагеря может быть наиболее показательным поведение писателя Сейфулы Малиново, известного под псевдонимом Лямо Кодря.

Малиново, собственно говоря, писал неохотно. И говорю о периоде после освобождения Албании. Его поэмы, подымавшие по прогрессивное направление, были, как оказалось впоследствии, неискренними. На первом съезде Албанской трудовой партии выявились подлинное лицо Сейфулы Малиново. В свое время ставленники Тито старательно продвигали его к руководству партией. Малиново был исключен из партии. Писатели также отказали ему в политическом доверии. Союз писателей вместо Малиново временно, до конференции, возглавил Швечет Мусарай, участник народно-освободительной борьбы, депутат и член президиума Народного собрания.

По так давно в статье Арбена Путо о литературе новой Албании «Литературная газета» допустила ошибку в оценке Сейфулы Малиново. В этой статье автор гальванизировал фигуру Лямо Кодря, как

якобы революционного поэта. Сейфула Малиново утратил доверие народа. Народ и писатели Албании с чувством гадливости относятся теперь к Малиново.

Сейфулу Малиново была дана возможность выкупить свою вину и испривиться. Писательская общественность терпеливо ожидала. Однако на третьей конференции съезда албанских писателей в октябре 1949 года он, обросив маску, выступил с речью, в которой показал себя с самой худшей стороны. Этот случай явился свидетельством неуступчивой борьбы антипатристических, враждебных сил против сил демократии и прогресса.

Албанские писатели разоблачили Сейфулу Малиново и еще крепче сплотили свои ряды вокруг Трудовой партии для беспощадной борьбы с носителями враждебной трудящимся идеологии, для разрешения огромных задач, поставленных партией перед литературой новой Албании.

Албанская литература, восходящая из глубины нестатистического века и отстоявшая свое существование жизнью, творчеством и кровью лучших своих представителей, развивается по правильному пути.

Бромо Швечет Мусарай, возглавляющая ныне писательскую организацию, Албания имеет таких прогрессивных литераторов, как Дмитрий Шутерки, Зени Сако, Яков Дюда, Марк Ндои, Алекс Чачи, Фатмир Дьята, Лазар Силгичи...

Писатели Албании правильно поняли свои задачи: они занялись актуальными проблемами современности. Они обратили свои взоры к героическому труду рабочих и крестьян, к изучению огромнейших материальных и духовных святов, произошедших в стране и поставивших эту молодую республику в первые ряды прогрессивных, демократических стран.

В библиотеках Албании можно увидеть книги русских классических и советских писателей. Выпущены сборники рассказов Л. Н. Толстого и А. М. Горького. Переведены на албанский язык «Поднятая целина», «Молодая гвардия», «Попкоренные», «Борьба за мир», «Чапаяев», «Как закалялась сталь». Переведены некоторые поэмы и стихи В. Маяковского, в том числе

Главный редактор В. ЕРМИЛОВ.

Редакционная коллегия: Н. АТАРОВ, А. БАУЛИН (зам. главного редактора), Б. ГОРБАТОВ, А. КОРНЕЙЧУК, Л. ЛЕОНОВ, А. МАКАРОВ, М. МИТИН, Н. ПОГОДИН, П. ПРОННИК, А. ТВАРДОВСКИЙ.